

СБОРНИКЪ
МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИСТОРІИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ВЪ XVIII ВѢКЪ.

ИЗДАЛЪ

А. КУНИКЪ.

Часть II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1865.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Шнидорфа, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Н. Кеммеля, въ Ригѣ.

Эггерса и Коми, въ С. П. Б.

Энфанджанца и Коми, въ Тифлисѣ.

Цена 1 руб.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 22 декабря 1865 года.

Непрежънный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе.....	LIX — LXII
VII. Матеріалы для біографіи М. В. Ломоносова, съ 1736 года (№ 1—148).....	225 — 406
VIII. Ода Фенелона, 1681 года, переведенная М. Ломоносовымъ, въ 1738 г.	407 — 418
IX. Три Оды Парафрастическія Псалма 148, сочиненныя чрезъ трехъ Стихотворцовъ, изъ которыхъ каждой одну сложилъ особливо. Въ Спб.-ѣ. 1744.....	419 — 434
X. Письмо, въ которомъ содержится Рассужденіе о Стихотвореніи, понынѣ на свѣтъ изданномъ отъ Автора двухъ Оды, двухъ Трагедій и двухъ Эпистолъ, писанное отъ пріятели къ пріятели. 1750. (В. Тредіаковскаго).....	435 — 500
XI. О должности журналистовъ. } Sur les devoirs des journalistes. } М. Ломоносова. 1754....	501 — 530

Х.

ПИСЬМО

ВЪ КОТОРОМЪ СОДЕРЖИТСЯ РАССУЖДЕНИЕ О СТИХОТВОРЕНИИ,
ПОНЫНѢ НА СВѢТѢ ИЗДАННОМЪ ОТЪ АВТОРА ДВУХЪ ОДЪ,
ДВУХЪ ТРАГЕДІЙ, И ДВУХЪ ЭПИСТОЛЪ

ПИСАННОЕ

ОТЪ ПРІЯТЕЛЯ КЪ ПРІЯТЕЛЮ

1750.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ русскомъ отдѣленіи бібліотеки Академіи Н. издавна существуетъ отдѣлъ рукописей, коихъ текстъ значитъ уже напечатаннымъ. Въ этомъ отдѣлѣ до сихъ поръ хранятся, между прочимъ, вышеупомянутый (на стр. 388 прим. 3) отрывокъ трагедіи Ломова и рукопись его оды и похвальныхъ надписей, изданныхъ въ 1751 году. Въ этомъ-то отдѣлѣ недавно найдены мною, кромѣ напечатанныхъ рукописей, и сочиненія не изданныя, изъ которыхъ, можетъ быть, нѣкоторыя дѣйствительно были назначены къ печати, но по какимъ-либо причинамъ потомъ остановлены. Такая судьба, впрямую, постигла и «Письмо» Тредіаковскаго.

Это «Письмо» Тред-аго до сихъ поръ было извѣстно только по намекамъ, встрѣчающимся въ сочиненіяхъ Сумарокова*) и по доношенію, поданному 8 марта 1751 года Тредіаковскимъ президенту Акад. гр. Разумовскому: «19. Сочинилъ я критику по приказу бывшаго академическаго ассессора Григорья Теплова на некоторыя сочиненія Господина Александра Петрова сына Сумарокова».

Такъ какъ встрѣчающіяся въ «Письмѣ» Тред-аго извѣстія о тогдашнихъ литературныхъ вопросахъ (см. на прим. сказанное выше на стр. 421 и слѣд. объ изданіи парафрастическихъ одъ) и о личныхъ отношеніяхъ тогдашнихъ литераторовъ дополняютъ скудную литературную летопись сороковыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, то мы рѣшились нѣмколько напечатать этотъ первый опытъ русской литературной критики.

Такъ какъ Тредіаковскій обвиняетъ Сумарокова въ неправильномъ употребленіи знаковъ препинанія и выдаетъ себя за знатока по этой части (см. ниже стр. 462), то въ настоящемъ изданіи знаки препинанія соблюдены такъ какъ они встрѣчаются въ рукописи.

На заглавномъ листкѣ рукописи имя Тредіаковскаго не выставлено, но мѣстами встрѣчаются поправки, сдѣланныя его рукой, и въ концѣ приложенъ листъ in-4°, съ собственноручной его замѣткой: «Благоволишь приказать вписать въ Р. S. моя Критика выше строчки сея» и т. д.

---

*) Сумароковъ и современная ему критика. Соч. Н. Булича. Спб. 1854, стр. 35, 59 и 60. — Александръ Петровичъ Сумароковъ. Соч. Влад. Стоюнина. Спб. 1856, стр. 69 и слѣд.

Государь мой!

Многажды я къ вамъ писывалъ о разныхъ дѣлахъ; но никогда и на умъ мнѣ притти не могло, чтобъ я долженъ былъ когда написать къ вамъ апологетическое и критическое письмо, каково есть сіе настоящее. Нынѣ ужé невозможно стало удержаться отъ сего; въ чемъ и покорно прошу извинить меня по дружбѣ вашей. Нападки на общаго нашего друга, и неумѣренность нападающаго, преодолѣли мое терпѣніе: ибо извѣстный Господинъ Пить, послѣ употребленныхъ въ эпистолахъ своихъ къ нему обидахъ и язвительствахъ, не токмо не рассудилъ за благо отъ тѣхъ унять, но еще оныя и отчасу больше и несноснѣйше нынѣ размножилъ; а чаятельно, что и впредь награждать ими потщится, если унять, отъ кого надлежитъ, онъ не будетъ. И какъ сему Господину равно было, для оказанія своей тщетныя способности, отстать отъ одъ, а приняться за трагедіи, по сихъ за эпистолы, и ужé нынѣ за комедіи: такъ намъ легко можно повѣрить, что угодны ему будутъ наконецъ и точныя сатиры. Впрочемъ, какимъ онъ подаркомъ еще обогатить имѣетъ общество читателей; то ли бо мы такъ же со временемъ узнать можемъ. Но нынѣ такой онъ намъ всѣмъ представилъ на театрѣ гостинецъ, который по всему не можетъ не названъ быть достойнымъ остробуйныя его музы. Сочинилъ онъ небольшую комедію: при чемъ сіе весьма удивительно, что она отъ него сочинена простымъ словомъ, а не стихами, толь наипаче, что онъ не токмо желалъ бы самъ обыкновенно говорить о всемъ приемами съ нами, но, рассуждая по страсти его, хотѣлъ бы еще, чтобъ и пріятели его, и слуги, и служанки поздравляли ему, спрашивали его, и отвѣтствовали емужъ спрашивающему на приемахъ; словомъ, желательно ему было, чтобъ все при немъ обращалось по приемамъ, и звенѣлобъ приемами.

Но какъ то ни есть, Государь мой; однако оная комедія сочинена вся прозою, выключая токмо двѣ штучки, кои сплетены стихами. Комедія сія недостойна имени комедіи, и всеконечно неправильная, да и вся противна регуламъ театра; а состоитъ она въ семнатцати явленіяхъ, и названа Тресотинусъ. Въ ней нѣтъ ни начальнаго оглавленія, ни должнаго узла, ни приличнаго развязанія. Да и не дивно: она сочинена только для того, чтобъ ей быть

не язвительною токмо, но и почитай убійственною чести сатирою, или лучше, новымъ, но точнымъ пасквилемъ, чего впрочемъ на театрѣ во всемъ свѣтѣ не бываетъ: ибо комедія дѣлается для исправленія нравовъ въ цѣломъ обществѣ, а не для убіенія чести въ нѣкоторомъ чловѣкѣ. Я не упоминаю о неисправности въ ней сочиненія и о многихъ такъ называемыхъ Солецисмахъ: она совсѣмъ недостойна критики. Однако сіе смѣшно, что Авторъ, хотя показать о себѣ въ персонѣ не знаю какѣва Ксаксоксименіуса, что онъ искусенъ въ Славенскомъ языкѣ, тотчасъ лишъ началъ, да изволилъ и показать себя, что онъ еще меньше умѣетъ по Славенски, нежели по Руски. Говоритъ онъ: подаждь ми перо, и абіе положу знаменіе преславнаго моего имени, его же не всякъ языкъ изрещи можетъ: ибо надобно было слѣдующимъ образомъ: даждь ми трость, да абіе положу знаменіе преславнаго моего имени, еже не всякъ языкъ изрещи можетъ. Великой словесникъ! въ полутарѣ строчкѣ пять грѣховъ. При представленіи ея, въ не малое пришелъ я удивленіе слыша нѣкоторые рѣчи въ ней, о которыхъ я такъ рассуждалъ, хотя впрочемъ и не по охотѣ, [понеже знаю, что онѣ говорены нѣгдѣ на единѣ] что или Авторъ имѣетъ пытливый духъ, или толь его питическій жаръ, называемый Энтузіасмомъ, есть силенъ, что онъ можетъ все то знать; въ чемъ ему нѣтъ и нужды. Подлинно, нѣсколько сіе удивительно, врассужденіи свѣйства обыкновеннаго Питамъ: ибо они въ семъ токмо особое преимущество имѣютъ, чтобъ имъ прорицать всегда о томъ, что ужé было, а тайности тѣ токмо они съ прочими нами знаютъ, которые имъ бывають открыты.

Какѣважъ, Государь мой, содержанія та комедія? О! праведное солнце. Не можно поистиннѣ надѣяться, чтобъ могли и зрители всѣ съ терпѣливостію до конца ея видѣть. Все въ ней происходило такъ, что Сумбуръ шелъ изъ Сумбура, скоморошество изъ скоморошества, и словомъ, недостойная воспоминанія негодность изъ негодности, такъ что вся сія комедіишка достойна площаднаго минутнаго свѣта, а потѣмъ вѣчныя тьмы. Можно сказать праведно, что Авторъ не могъ ни чемъ никогда лучше открыть своего сѣрдца. Особливожъ Тресотиніусу, которымъ Авторъ разумѣлъ общаго нашего друга, означая его только что неточнымъ прозваніемъ, такіе были даны рѣчи, что Скаронъ, Французскій Питъ, поистиннѣ не хотѣлъ бы быть для сего кошуинымъ Питомъ, при переодѣваніи Виргиліева достохвальнаго Энея въ своего смѣшнаго. Толико то Авторова язвительная насмѣшка превосходитъ беззлюбивую и забавную Скаронову шутку! Смотри на все такое недостойное руга-

тельство, воспоминалъ я мыслию Аристофанову комедію, названную Облака, которая была представлена въ древнихъ Аѳинахъ, и коею, во вѣки театральнѣй токмо игрокъ, Аристофанъ смѣялся, надъ пречеснымъ во вѣкижъ въ язычествѣ мужемъ Сократомъ. Но есть ли что толь чesное, чегобъ или вѣтреный, или надменный скалозубы не могли преобращать въ смѣшное? Вкратцѣ, Авторъ Тресотниусъ есть выше поруганіемъ Облаковъ Аристофановыхъ; сіе значитъ, что въ Авторѣ нашемъ больше было злости и остервѣненія къ ругательству, нежели въ Аристофанѣ. Да заслужилъ ли оное ругательство Сократъ отъ Аристофана? Заслужилъ лижъ и нашъ общій другъ тожъ самое отъ Тресотниусова Автора? Сіимъ токмо сравниваю Сократа съ нашимъ общимъ другомъ.

Обращая все сіе въ мысли, еще больше трепетало мое сердце съ стыда, потѣмъ съ негодованія, напоследокъ съ сожалѣнія по общемъ нашемъ другѣ, нежели Авторъ моргали очи съ радости, и съ внутренняго самолюбнаго удовольствія; толькожъ смѣшить безъ разума даръ подлыя души, какъ то самъ нашъ Авторъ говоритъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ. Но прошу, Государь мой, рассудить о терпѣливодушіи общаго нашего друга. По окончаніи у насъ новыя, а въ древней Греціи старыя такія комедіи, да и на крѣпко тамъ въ тѣжъ времена запрещенныя, навѣстилъ я его, рассказалъ ему о всемъ: въ окончаніи, просилъ его, чтобъ онъ себя такъ же перомъ защитилъ. Сіежъ для того, чтобъ или не показаться, буттобъ онъ боялся Автора, или чтобъ не сказали всѣ, что онъ не въ состояніи оборонять себя отъ клеветъ и насмѣшекъ недостойныхъ чesнаго чelовѣка. Слушая сіе, онъ усмѣхался токмо; а выслушавъ говорилъ: Я сожалѣю, что Авторъ, назвавъ меня непристойнымъ именемъ, приводитъ въ необходимую нужду благоразумныхъ людей называть либо себя и знаменательнѣе того: а съ другой стороны, безмѣрно радуюсь, что онъ симъ своимъ примѣромъ показалъ, коль безвреднѣе есть при такихъ случаяхъ быть въ терпѣніи и молчаніи, нежели подавать постороннимъ безъ пользы причину къ бѣльшему еще осмѣянію себя: ибо, по мнѣнію Сенеки изъ 11. книги о гнѣвѣ, главы 32, «тотъ великъ и благороденъ есть, который, по подобію большихъ звѣрей, спокойно слышитъ лаяніе маленькихъ собачекъ». Такъ по сему, предпріялъ я рѣчь, не токмо Авторъ не опуститъ ни единого случая, въ которой бы онъ не сталъ терзать ваша чести безопасно, но и всѣ недоброты ваши никогдажъ не оставятъ васъ въ покоѣ, вѣдая, что вы сами безотвѣтны. Пускай же то такъ, говорилъ онъ,

ежели имъ угодно. Ибо когда Авторъ былъ толь великимъ Христіаниномъ въ Оронтовомъ лицѣ, что кощунства своего въ XI. явленіи не усумнился употребить и слова Христа Спасителя нашего: то я здѣсь, гдѣ нѣтъ ни малаго скоморошества, не могуль дерзнуть тожь здѣлать, но съ благоговѣніемъ, и привести въ мое утѣшеніе изъ тогожь Спасительнаго Евангелія рѣчи, именножь, претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. Послѣ сихъ его словъ, оба мы замолчали; онъ не знаю какъ печальнымъ и смущеннымъ видомъ на меня смотрѣлъ; а я рассуждалъ о семъ его намѣреніи, что онъ себя ни самъ оборонять не хотѣлъ, ни требовать себѣ отъ другихъ защиты. Вскорѣжь потѣмъ мы другъ съ другомъ и расстались.

Сказать правду, Государь мой; я симъ его намѣреніемъ не-былъ доволенъ: ибо знаю, что ему всѣ дѣлаются обиды по степенямъ, смотря по тому, какъ онъ ихъ сноситъ. Но понеже всѣ ихъ такъ онъ претерпѣваетъ, что видя будто не видитъ, слыша будто не слышитъ, чувствуя будто не чувствуетъ, и разумѣя будто не разумѣетъ: того ради нынѣ явнымъ ужé ругательствомъ прободать его начали. Кипѣло мое сердце, зная его совѣсть; и весьма жаль мнѣ его было: да и ктожь бы изъ добрыхъ, какъ думаю, о немъ не пожалѣлъ? Удивлялся я, повеже онъ самъ всегда безотвѣтенъ; то какаяжь тому была причина, что никто изъ пріятелей его не возметя за дѣло, и защититъ его не почтится? Но тотчасъ пришло мнѣ на умъ, что онъ оглашенъ въ рассужденіи искусства отъ своихъ соперниковъ и ненависниковъ. Однако, независное око все противное тому въ немъ видитъ. Чтожь до соперниковъ его; то онъ говоря объ нихъ, и о себѣ, часто и понынѣ приводитъ Цицероново восклицаніе изъ втораго Филиппическаго слова, которое онъ употребляетъ, перемѣнивъ онаго рѣчи, но токмо оставивъ на томъ же планѣ, и съ тѣмъ же движеніемъ. Цицеронъ слѣдующимъ образомъ жалуется Сенаторамъ Римскимъ: «По какому моему нещастію такъ дѣлается, что кто, во время сихъ прошедшихъ дватцати лѣтъ, нѣ-былъ Римскому правленію непріателемъ, тотъ совокупно «тогдажь и мнѣ врагомъ и супостатомъ находился?» А общій нашъ другъ сіежь самое, но въ другой силѣ, иногдажь и съ крайнею горестію произноситъ: «По какому моему нещастію такъ дѣлается, «что кто, во время сихъ прошедшихъ дватцати лѣтъ, ни хотѣлъ себѣ «получить славу въ искусствѣ словесныхъ наукъ, тотъ совокупно «тогдажь и мнѣ былъ тайнымъ и явнымъ соперникомъ?» Но пускай, что его соперники оглашаютъ: онъ перебиваетъ ли имъ дорѣгу, и отнимаетъ ли что у нихъ? развѣ то, что онъ во всемъ

томъ на нашемъ языкѣ есть первымъ начинателемъ. Виновать ли жъ онъ, что случай допустилъ его къ тому прежде другихъ? Однако, онъ съ радостію всѣмъ тѣмъ уступаетъ прочимъ. Съ другой стороны, будь же и такъ, что премного есть такихъ, какъ то и подлинно, которымъ общій нашъ другъ есть или равенъ, или ихъ ниже: но нашего Автора онъ въ томъ искусствѣ по справедливости выше. Сіе не ненависное былобъ и изъ устъ общаго нашего друга самохвалство: сія есть точная и непреоборимая правда. Того ради, будь и еще такъ, что находятся нѣкоторые, коимъ есть причина, какъ превосходи́йшимъ въ искусствѣ, обличать общаго нашего друга; но нашъ авторъ толь въ томъ самъ неисправенъ, что превесмабъ онъ благоразумнѣе дѣлалъ, ежелибъ онъ благоволилъ о немъ предъ всѣми молчать, и себя предъ нимъ не превозносить. Признаваемъ нѣсколько, что есть въ немъ природная острота, но сія острота въ немъ необученная: а по мнѣнію Гораціеву, какъ природа безъ науки есть ничто, такъ и наука безъ природы есть недѣйствительна: одна у другія взаимныя себѣ по́мощи просить. Когда я говорю, что есть въ Авторѣ нашемъ острота; то я разумѣю, что въ немъ она не превосходная, но весьма обыкновенная многимъ. Славящіи остроту въ немъ превосходную, тѣмъ токмо доказываютъ, что онъ сію бездѣлушку сочинилъ скоро, а именно въ шесть часовъ. Но въ рассужденіи такихъ скорохватовъ весьма изрядно отвѣтствовалъ Эврипидъ у Валерія Мákсима въ книгѣ 7. Алцестиду Питу хвалящемуся, что онъ Алцестидъ скоряе 100. стиховъ напишетъ, нежели Эврипидъ 3. Но разность, говорилъ тотъ, въ семь, что твои дѣлаются на-три дни, а мои на-вѣкъ. Какъ то ни есть; однакожъ сіи прославящіи не знаютъ, что Авторова комедія почитай вся взята изъ сочиненій комическихъ Барона Голберга, а особливо персона Капитана самохвала. Ежели по сему надлежитъ переводить; то найдутся, кои сіежъ самое и въ половину тѣхъ часовъ могутъ здѣлать, да еще и весьма исправнѣе.

Хоревъ трагедія, о которой я имѣю вамъ донести ниже, вся на планѣ Французскихъ трагедій; да и не только по плану она взята изъ Французскихъ, но и врасужденіи изображеній. Гамлетъ, какъ очевидныи сказываютъ свидѣтели, переведенъ былъ прозою съ Англинскія Шекеспировы, а съ прозы ужé здѣлалъ ея почтенный Авторъ нашими стихами. Эпистола о стихотворствѣ Рускомъ вся Боало Делрова. Въ Эпистолѣ объ языкѣ Рускомъ почитай всѣжъ чужіе мысли. Одѣ Парафрастической былъ предводителемъ Псаломъ; а другой его одѣ хотя не знаю я подлинника, однакожъ не надѣюсь, чтобъ она вся его была: во всѣхъ собственныхъ его сочиненіяхъ, придатки

его какъ отливаются отъ чужихъ выработанныхъ мѣсть, а у него по большой части обессиленныхъ переводомъ: и весьма было сіе чудесно, ежелибъ ему что нибудь выдумать отъ себя. Того ради, гдѣжь его превосходная острота? Есть она, но общая многимъ. Превосходная острота не въ понятіи токмо одномъ, но еще въ вымыслѣ и въ изобрѣтеніи состоитъ. Но Авторъ толь малъ въ вымыслѣ, что ни именъ для смѣха выдумать отъ себя не могъ: Его и Штивелиусъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ такъ же чужой, а именно изъ помянутагожь Голберга, и сей самый Тресотиниусъ Молиеровъ Трисотень. Чтожь до изображеній его почитай всѣхъ, и почитай до всѣхъ же стиховъ; то все оное толь неисправно, что нѣ-было еще понынѣ въ свѣтѣ Понта, кой бы толь мало зналъ первыя самыя начѣла, безъ которыхъ всякое сочиненіе не можетъ не быть крайно порочно. Можно скавать смѣло, что какъ изъ противниковъ Соборной церкви нѣтъ страннѣе нашихъ раскольниковъ; такъ изъ всѣхъ писателей краснымъ слогомъ, нѣтъ въ томъ недостаточнѣе нашего Автора. Все сіе покажется изъ того ясно, что я предложу вамъ ниже во первыхъ о двухъ его одахъ, потѣмъ о двухъ трагедіяхъ, и напоследокъ о двухъ эпистолахъ. Ибо только того, что мы понынѣ отъ него въ свѣтѣ изданнаго имѣемъ.

Причина, которая меня возбудила къ рассмотрѣнію сему, есть, Государь мой, не нѣкоторая сѣрдца моего подлая страсть, и недостойная добраго человѣка; но несносное тщеславіе нашего Автора, презрѣніе отъ него къ лучшимъ себя писателямъ, сожалѣніе по общему нашемъ другѣ, коего онъ толь нестерпимо обидѣлъ, и наконецъ справедливость воздаянія. Однако, не извольте ожидать, чтобъ способу моего рассужденія быть съ посягательствомъ; онъ будетъ самый чистосердечный и праведный такъ, что за обиду его къ общему нашему другу, котораго мнѣ, какъ и васъ самихъ, нѣтъ дружныя въ свѣтѣ, не буду я воздавать обидою. Я не прикоснусь ни ко правамъ Господина Автора, ни къ его состоянію: искусство его въ сочиненіяхъ станетъ токмо предъ мой судъ. Но впрочемъ, когда ни удостоится по суду оное его искусство самаго жестокаго осужденія; однако вездѣ будетъ умяччанный на него приговоръ. Господину токмо Автору легко касаться до чина и до поступокъ: Брамарбасъ его прямо и безъ закрышекъ говоритъ объ общему нашемъ другѣ въ XI. явленіи, что каковъ его чинъ, таковъ его и поступокъ. Но я твердо знаю, что общій нашъ другъ въ чинѣ благоговѣнно, со всѣми добрыми, почитаетъ верховнѣйшее благоволеніе производящее въ чинъ, и непрекословно повинуется рукѣ предводительствующей, по томужь благоволенію, чинъ учре-

жденный. Высокъ ли сей? не его дѣло. Низокъ ли онъ? помнить что, по присловію, не можно всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. Съ моей стороны, я еще и радуюсь, что поступки общаго нашего друга сходствуютъ съ его чиномъ: сіе значить, что онъ не выходитъ изъ предѣловъ своей должности. Напротивъ того, не дивлюсь, что поступка нашего Автора безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка, и съ біеніемъ сѣрдца. Но теперь за прямое дѣло.

Самая первая Ода нашего Автора, есть Парафрастическая: сочинена она съ Псалма 143-го. Парафрастическихъ сихъ одъ съ объявленнаго Псалма еще совокупно съ его положено двѣ; а напечатаны онѣ 1744 года. Но первая по порядку, есть порожденіе нашего Автора, какъ то мнѣ объявилъ одинъ изъ сочинителей тѣхъ Одъ. Случай къ сочиненію ихъ описанъ тамъ въ предувѣдомленіи. Сочинители уговорились поставить судьями искусства своего все читающихъ общество, и для того просили, чтобъ имъ позволено было ихъ напечатать; что имъ и повелѣно. Къ сему труду возбудилъ обоихъ другихъ сочинителей Авторъ: ибо онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ увѣренъ о своихъ силахъ, что преодолѣеть. По сему можете вы, Государь мой, праведно заключить, что нашъ Авторъ всѣ свои напрягъ силы въ такомъ случаѣ: честь и слава къ тому его обязывали. Ода его состоитъ въ одиннадцати строфахъ; а каждая изъ строфъ о шести стихахъ. Однако, Государь мой, пустая надежда и излишнее упованіе на себя, обманули нашего Автора: Ода его обоихъ другихъ во всемъ и по всему ниже, такъ что нѣтъ ни единыя у него строфы, въ которой бы нѣ-было знатныя погрѣшности. Вы изволите сами то увидѣть способно: ибо я теперь каждую строфу разберу въ той одѣ порознь.

I.

Благословенъ Творецъ вселенны.
 Которымъ днесъ я ополченъ!
 Се рѹки нынѣ вознесенны,
 И духъ къ побѣдѣ устремленъ:
 Вся мысль къ Тебѣ надежду править;
 Твоя рука меня прославить.

Прошу, Государь мой, наблюдать: въ первомъ стихѣ слово, Творецъ, положено не вызваніемъ, но повѣствованіемъ, то есть, разумъ сего стиха есть сей: Благословенъ есть творецъ вселенны, а не Благословенъ Ты Творецъ вселенны: ибо звательный падежъ слова Творецъ, употребляетъ нашъ Авторъ по Славенски, Творче, какъ то видно изъ третіея строфы сеяжъ его Оды. И понеже сіе

праведно; то для чегожъ нашъ Авторъ въ пятомъ стихѣ сеяжъ строфы положилъ слово къ *Тебѣ*, вмѣсто къ *Нему*, а въ шестомъ *Твоя* вмѣсто *Ею*? ибо вся сія строфа есть повѣствовательная, а не взывательная. Вотъ, Государь мой, первая знатная погрѣшность, и первое странное въ писателѣ незнаніе.

2.

Защитникъ слабыя сей груди,
Невидимой своей рукой!
Тобой почтутъ мой мя люди
Подверженны подъ скипетръ мой.
Правитель бесконечна вѣка!
Кого Ты помнишь! человекъ.

Сія строфа есть вся взывательная; слово въ третіемъ стихѣ *Тобой*, и въ шестомъ *Ты*, означаютъ сіе бесспорно. Надлежитъ знать, что правило взыванія есть такое, чтобъ ему всегда быть произносиму ко второму лицу: о семъ, кромѣ Автора, и дѣти обучающіися грамматикѣ знаютъ. Но изъ сихъ словъ, *мой* есть перваго лица, *твой* втораго, *свой* и *ею*, третіяго. И какъ взываніе всегда бываетъ втораго лица; то слѣдуетъ, что нашъ Авторъ отъ незнанія погрѣшилъ, полагая во второмъ стихѣ взывательномъ *своей*, вмѣсто *твоей*. Симъ образомъ ему угодно быть выше утвержденныхъ правилъ въ красномъ языкѣ, или лучше, симъ образомъ угодно ему не знать того и повиныѣ. Положеножъ у него въ первомъ стихѣ: *слабыя сей*, вмѣсто *слабыя сея*: ибо весьма сіе досаждаеть слуху, когда непосредственно слова соединенныя, или до одной вещи взаимно принадлежащія, полагаются такъ, что одно изъ нихъ полное, а другое сокращенное. Лучше всегда, а особливо въ стихахъ, полагать оба такія слова полныя; однако сноснѣе, ежели они оба будутъ неполныя, когда того нужда мѣры требуетъ, какъ то и у него во второмъ стихѣ, *невидимой своей*. Вотъ же и вторая погрѣшность, или справедливѣе, не одна она во второй строфѣ. Сей точно всегда плодъ отъ писателя безъ первыхъ самыхъ нужныхъ основаній во всякомъ родѣ сочиненія!

3.

Его весь вѣкъ какъ тѣнь преходить:
Всѣ дни его, есть суета.
Какъ вѣтеръ пыль въ ничто преводить;
Такъ гибнетъ наша красота.
Кого Ты, Творче, вспоминаешь!
Какой Ты прахъ днесъ прославляешь!

Въ сей строфѣ, Государь мой, не противъ грамматики ужѣ погрѣ-

шено: здѣсь соврано противъ общія Философическія правды. Кто Господина Автора научилъ, что вѣтеръ пыль въ ничто преводить? Симъ бы способомъ, по семи тысячахъ лѣтъ отъ сотворенія свѣта по нашему численію, давно ужé вся земля въ ничто была превращена. Вѣтеръ пыль только съ одного мѣста на другое преводить, а не въ ничто обращаетъ: отъ количества сотворенныя матеріи, по мнѣнію знатнѣйшихъ Философовъ, ничего не пропадаетъ; но токмо она индѣ прибавляется, а индѣ потомужъ убавляется. Но сіе, Государь мой, не Филологическое, да Философическое, и для того можно такое незнаніе Автору опустить.

4.

О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ,
Гдѣ Твой божественный престолъ,
Превыше звѣздъ верхамъ безвѣснымъ,
Да приклонятъ въ niskій долъ:
Спустишь, да долы освятятся;
Коснись горамъ, и воздымятся.

Нарочитабъ могла быть сія строфа, ежелибъ она не имѣла смятенія; ибо въ ней заднее на переди положено, а переднее на зади, чемъ она и темна и порочна. Разуму ея слѣдующему надлежало быть: О Боже! рцы мѣстамъ небеснымъ, и превыше звѣздъ верхамъ безвѣснымъ, гдѣ твой Божественный престолъ. Въ четвертомъ стихѣ сея строфы, къ существительному имени долъ, Авторъ придалъ имя прилагательное niskій. Но мы дола никакóва не знаемъ не niskаго: развѣ по сему есть у Автора какой долъ вышній. Сіе точно называется у стихотворцовъ затычкою, когда нѣчто ненужное полагается въ стихъ для наполненія его мѣры. При томъ, Господину Автору должно было знать, что прилагательныя имена полагаются или для бóльшаго изъясненія свѣдѣній въ вещахъ, или для похваленія, или такъ же для похуленія, и для другихъ подобныхъ имѣющихъ бóльшую силу околичностей: ибо кто скажетъ: вода водяная, или солнце солнечное; тотъ только что говоритъ по пустому. Равнымъ образомъ кто говоритъ и niskій долъ. Худо такъ же полагать и одну рѣчь блиско отъ другія такіяжъ и тогожъ знаменованія. Однако, въ сей строфѣ Авторъ, послѣ niskаго своего дола, тотчасъ просить, чтобъ долыжъ освятились. Но какая была нужда въ семъ почитай непосредственномъ повтореніи? или не показалось лучше положить ему сей пятый стихъ такъ,

Спустишь, да зѣмли освятятся?

Іамбъ тотъже; а великолѣпіе, красота, и исправность лучшіе.

5.

Да свѣркнуть молни, громъ Твой грянетъ,
 И взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
 Рази врага, и не востанетъ;
 Пронзи огнемъ ревущій вѣтръ;
 Смяти его пустивши стрѣлы;
 И дай покой въ мой предѣлы.

Въ сей что ни въ самой нужной строфѣ, Авторъ какъ о должномъ и вѣщшемъ движеніи, нежели каково оно есть у него, не потщался; такъ и нескланяемые частицы не сильныя употребилъ. Всѣхъ бы она строфъ лучше могла быть, ежелибъ устремительнѣйшая была. Соузы его (*и*), и глаголы *грянетъ*, *взыдетъ*, превратившіися по неволѣ въ будущія времена, безъ повелительныя или желательныя частицы *да*, почитай всю ея испортили. Я васъ судію теперь, Государь мой, хочу имѣть: ибо я утверждаю, что его самую строфу я лучшею здѣлалъ, такъ что далъ ей все должное движеніе, и устремленіе, какиихъ содержаніе требовало. Въ семъ я ссылаюсь при томъ и на всѣхъ искусныхъ совокупно при васъ. Вотъ бы она какъ была вся жарчае и исправнѣе въ частицахъ нескланяемыхъ:

Да сверкнуть молни, громъ да грянетъ;
 Да взыдетъ вихрь изъ земныхъ нѣдръ;
 Рази врага, да не востанетъ;
 Пронзи огнемъ ревущій вѣтръ;
 Смяти его пустивши стрѣлы:
 Но дай покой въ мой предѣлы.

Прошу, благоволите судить по самой беспристрастной справедливости, чья строфа громче.

6.

Простри съ небесъ Свою зѣніцу,
 Избавь мя отъ враговъ моихъ;
 Подай мнѣ крѣпкую десницу,
 Изми мя отъ сыновъ чужихъ.
 Разрушь бунтующи народы,
 И стануть брань творящи воды.

Зѣница есть Славенское слово; а по нашему просто называется озарочко. Но никто еще толь дерзновенныя, и толь несвойственныя фигуры не употреблялъ у насъ: ибо говоря, распростертъ озарочко, есть означать, что оно такъ простирается, какъ рука. Подлинно, можно сказать, что зрѣніе далеко простирается; однако чрезъ сіе означается дѣйствіе видѣнія, а не орудіе, которымъ зримъ. Но зѣница есть орудіе видѣнія, а не дѣйствіе его. Слѣдовательно, Авторово,

простри зпнишу, есть ложная мысль, и несвойственное зѣвницѣ дѣло. Въ пятомъ стихѣ положилъ онъ, *разруши народы*; но глаголъ сей есть такъ же не приличенъ тутъ. Мы можемъ только говоря рас-сѣвать, развѣвать, раззорять, рассыпать, потреблять, истреблять народы; или такъ же можно намъ говоря и разженуть народы: но разрушать умѣемъ мы города, и прочія зданія; или иногда разрушаемъ мы и дружбу; но никогда не разрушаемъ народы. Чтожъ до послѣдняго въ сей строфѣ стиха; то онъ какъ самъ въ себѣ никакѡва разума не имѣетъ, такъ и съ прочими прежде положенными ни мало не соединяется тѣмже. Ибо прошу, Государь мой, сказать мнѣ, что значить, *стать брань творящимъ водамъ*? Стать водамъ, есть несвойственно; а стать водамъ брань творящимъ, и того несвойственнѣе. Но пускай стануть брань творящи воды; толькожъ бы неостанавливались онѣ отъ того, что разрушатся бунтующи народы: ибо сія Авторова Логика весьма подобна есть слѣдующему заключенію: *стоитъ сегодня палка въ углу: того ради завтра дождь будетъ*. Ибо какъ отъ сегодняшняго стоянія палки въ углу не слѣдуетъ завтрашній дождь; такъ отъ разрушенія бунтующихъ народовъ не можетъ послѣдовать остановленіе брань творящихъ водъ. Сими при томъ обоими стихами Авторъ еще и не изобразилъ Царствующаго псаломѣвца мысли, а сіе значить, что онъ его не разумѣлъ. Ибо Давидова сего, *избави мя отъ водъ многихъ, изъ руки сыновъ чужихъ*, есть сей разумъ: избави мя какъ отъ превеликаго и сильнаго наводненія изъ руки сыновъ чужихъ. Сія есть причина, что въ средней сегожъ Псалма одѣ положено:

Родъ чужихъ, какъ буйнъ водъ шумъ,
Быстро съ воплемъ набѣгаетъ.

Такъ же и въ послѣдней:

Меня объялъ чужой народъ,
Въ пучинѣ я погрязъ глубокой:
Ты съ тверди длань простри высокой,
Избавь меня отъ многихъ водъ.

Но разумъ сего четверостишія есть тотъ же, что и Давидовъ: такъ меня чужой народъ объялъ, что я погрязъ какъ въ глубокой пучинѣ. Того ради, Ты мнѣ съ высокія тверди простри длань, и тѣмъ избавь меня отъ оныхъ многихъ водъ пучинныхъ.

7.

Не приклони къ ихъ ухо слову:
Дѣла ихъ гнусны предъ Тобой.
Я воспою Тебѣ пѣснь нову,
Взнесу до облакъ голосъ мой,

И восхваляю Тя пѣснью шумной

Въ моей Псалтирѣ многострунной.

Господинъ Авторъ изволить смѣяться надъ тѣми, кои иногда въ стихахъ прелагаютъ части слова, буттобъ нашъ языкъ такъ же былъ связанъ тѣмъ какъ Французской и Нѣмецкой. Но, *не приклонить къ ихъ ухо слѣву*, что иное, какъ не предложеніе осмѣхаемое Авторомъ? Такъ же и въ Хоревѣ дѣйств. I. явл. III. стран. 15. говоритъ Оснельда: *рви во мнѣ печальный духъ, жестокой въ сей любви*, не предложеніель за, *въ сей жестокой любви*, или дѣйств. II. явл. III. стран. 26. не предложеніель же говоритъ Кій, *но въ дѣлѣ естьли нѣтъ свидѣтельства когда*, за, *но естьли когда въ дѣлѣ нѣтъ свидѣтельства?* да и весьма сего у Автора много. Тщетно и несправедливо Авторъ осмѣхаетъ, будучи самъ тому больше всѣхъ подверженъ. Того ради, въ сей разбираемой мною строфѣ надобно по его: *не приклонить ухо къ ихъ слѣву*. Впрочемъ, сей его стихъ порочное имѣетъ сочиненіе. Должно было ему знать, что винительный падежъ утвердительныя рѣчи переимѣняются въ родительныя, когда та рѣчь есть отрицательная, напримѣръ: *пишу справедливую критику*, есть утвердительная рѣчь, а справедливую критику есть винительный падежъ. Но, *не пишу справедливая критики*, есть отрицательная рѣчь, а справедливыя критики, есть родительный падежъ измѣнившійся изъ винительнаго. Но Авторова, *не приклони къ ихъ ухо слѣву*, есть отрицательная рѣчь. Слѣдовательно, надлежало ей быть:

Не приклони къ ихъ уха слѣву.

Но я присягну, что Авторъ о семъ правилѣ, которое впрочемъ весьма общее, надобное, и сильное, никога и не слыживалъ. Послѣдній стихъ сея строфы грѣшитъ родомъ: ибо Псалтирь, какъзначающій музыкальный инструментъ, есть мужскаго рода, какъ то *красенъ Псалтирь съ гуслими*, а не женскаго: и потому, надлежало ему написать *въ моемъ Псалтирь*, а не *въ моей Псалтирь*. Хотяжъ въ простомъ языкѣ Псалтирь есть женскаго рода; но сія Псалтирь значить книгу: ктожъ видалъ книгу съ струнами? съ другой стороны въ сей одѣ, которая есть съ Псалма, необходимо надобно было для почтенія, сходства и высокости употребить сіе слово въ мужескомъ родѣ, такъ какъ оно употреблено въ Псалмахъ.

8.

Дающу области, державу,
И царскій на главу вѣнецъ,
Царемъ спасеніе и славу.
Премудрый всѣхъ судебъ Творецъ!

Ты грознаго меча спасаешь,
 Даешь побѣды, низлагаешь.

Строфа сія вся неисправная сочиненіемъ, и весьма порочная. Первое, къ чему у него возносится слово, *дающеу*? ежели оно возносится пред'идуція строфы къ словамъ, а именно, къ *восхваляю Тя тьмью шумной*; то мѣстоименіе *Тя*, есть винительный падежъ; и слѣдовательно надлежало написать: *дающа*. Будежъ оное его *дающеу* принадлежитъ сеяжъ самыя строфы къ *Творецъ*, которое слово положено въ четвертомъ стихѣ; то, хотябъ оно было звательный падежъ, хотябъ именительный, въ обоихъ случаяхъ должно ему было быть, *дающій*. Но не позволяетъ самъ Авторъ возносить свое *дающеу* къ *Творецъ*: ибо послѣ словъ, *спасеніе и славу*, поставлена у него точка, и потому разумъ окончился, а какимъ глаголомъ окончился, Авторъ токмо знаетъ. Однако, положимъ, что тутъ у него стоитъ не точка, но запятая; то, и при семъ прешинаніи строчномъ, надобно *дающеу* переимѣнить въ *дающій*. Чтожъ впрочемъ Автора привело къ *дающеу*? самое сочиненіе Царствующаго Пророка: ибо у него положено въ дательномъ падежѣ, *дающему спасеніе Царемъ*. Не великое оправданіе Господину Автору? то есть, непреборимое доказательство незнавія Авторова. Ибо Пророкъ говоритъ исправно, для того что послѣ дательнаго *Тебѣ*, какъ то, *Боже, тьмю нову воспою Тебѣ, во Цсалтири десятиструннымъ пою Тебѣ*. Комужъ? *Дающему спасеніе Царемъ, избавляющему Давида раба своего отъ меча мота*. Второе, въ пятомъ стихѣ сея строфы Авторъ положилъ глаголь *спасаю* съ родительнымъ падежемъ безъ предлога *отъ*. Мы прочіи всѣ положилибъ сію рѣчь такъ: *Ты отъ грознаго меча спасаешь*, а не *Ты грознаго меча спасаешь*. Но Автору угодно писать по новому. Впрочемъ, сколько его сіе сочиненіе ни новое, и ни противное языку; однако онъ ясно о себѣ показалъ, что онъ мало читывалъ молебный канонъ называемый Параклисъ: ибо тамъ точно, да и праведно, стоитъ: *отъ тяжкихъ и мотыхъ мя спаси*. Не лучше ли по сему Автору приняться за наши прежде книги, дабы научиться правильному сочиненію? Расія научить токмо вздыхать по пустому; а Боалб-Депрб всѣхъ язвить и лучше себя: но оба сія нашему языку не научать.

9.

Какъ гроздъ росю напоенный,
 Сыны ихъ въ юности своей;
 И дщери ихъ преукрашенны,
 Подобьемъ красоты церкъвей;

Богаты, славны, благородны;
Стада́ овецъ ихъ многоплодны.

Во второмъ стихѣ слово *сыны* положено Іамбомъ неправо: ибо оно есть Хорей, *сыны*, а по Славенски, *сынове*. Но Авторъ мало печется о нашихъ удареніяхъ, или лучше, не хочетъ ихъ знать, для того что сіе до буквъ, и изъ нихъ до складовъ принадлежитъ: ему токмо надобны рѣчи и не зная складовъ, а сіе значить, и не зная азбуки. Впрочемъ, въ сей строфѣ читаю я трижды мѣстоименіе, *ихъ*; а имено, при *сынахъ ихъ*, при *дщеряхъ ихъ*, при *овцахъ ихъ*. Однако, чьи сыны, дщери, и овцы, то какъ родителей такъ и стяжателей ихъ не вижу, а не вижу ни въ двухъ пред'идущихъ строфахъ, ни въ послѣдующей. Въ двухъ пред'идушихъ вижу токмо *дающе*, и не *приклони къ ихъ ухо слово*, а въ послѣдующей *послѣ овецъ*, *волвъ*. И такъ Авторъ изволилъ покуситься объявить намъ, чьи сіи дѣти и овцы: сіе значить, что онъ не знаетъ свѣйства мѣстоименій. Четвертый стихъ сеяжъ строфы подлѣ и смѣшонъ совсѣмъ. Первое, слово, *подобьемъ*, вмѣсто *подобіемъ*, такъ досадно нѣжному слуху, что невозможно ему никакъ стерпѣть, равно какъ и имена его въ Гамлетѣ *Офелю*, *Полоня*, вмѣсто *Офелію*, *Полонія*. И понеже на семъ словѣ не поставлено силы; то мнѣ можно читать и *подобѣмъ*, вмѣсто *подобьемъ*. Но я оставляю сіе нуждѣ мѣры, или лучше нерадѣнію Автору. Второе, въ семъ же стихѣ употребилъ онъ слово *Церквей*. О! страннаго незнанія: увидѣвъ, что въ Нѣмецкомъ переводѣ сего Псалма стоить *Kirche*; а нынѣ у насъ тожъ самое называется *Церковь*; то и угодно ему тотчасъ стало слово употребительное нынѣ. Но, Государь мой; помнилъ ли онъ, что онъ Давидовъ Псаломъ расцвѣчаетъ? Буде помнилъ, то надобно ему было знать, что мы Іудейскаго Храма не называемъ Церковію, такъ какъ Языческія капища называются иногда у насъ Храмамижъ, а не Церквями. Слово *Церковь*, есть Христіанскаго стilia: а хотя въ простомъ языкѣ и называется зданіе святое *Церковію*; однако *Церковь* въ точномъ своемъ знаменованіи не прие́млется за зданіе, но за собраніе вѣрующихъ во Христа. Зная сіе прочіи оба сочинители Парафрастическихъ своихъ Псалмовъ, положили исправно. Тотъ, котораго Ода въ срединѣ такъ:

Толь нѣтъ храмовъ испещренныхъ:

А другой подобнымъ же образомъ въ послѣдней:

Какъ златомъ испещренный храмъ.

Не могу удержаться, чтобъ еще съ удивленіемъ не возопить: О! страннаго, а самолюбнаго и тщеславнаго незнанія.

10.

Волы въ лугахъ благоуханныхъ,
 Во множествѣ слатчайшихъ травъ,
 Спокоясь отъ трудовъ имъ данныхъ,
 И весь ихъ скотъ пасомый здравъ:
 Нѣтъ вопля, слезъ, и нѣтъ печали,
 Которыбъ ихъ не миновали.

Здѣсь приемяю я смѣлость спросить васъ, Государьмой; что Господина Автора волы въ лугахъ благоуханныхъ, во множествѣ слатчайшихъ травъ, покоясь отъ трудовъ имъ данныхъ дѣлають? спятъ ли они? ходять ли? ѣдятъ ли? мичать ли? играютъ ли? бѣгають ли? или стоятъ на одномъ мѣстѣ повѣсивши губы? Ибо у Автора нѣтъ такъ называемаго личнаго глагола, которымъ разумъ опредѣляется быть долженствуетъ. Но гдѣ нѣтъ личнаго глагола; тамъ всѣ искусныи писатели, кромѣ Автора, знаютъ, что нѣтъ разума. Толь превеликую Автору погрѣшность не можно ни чемъ другимъ извинить, и то на великую силу, какъ токмо такъ называемою фигурою Силлеписомъ Автору неслыханною. Силлеписъ есть то, когда чего недостаетъ въ рѣчи, тогда оное отъ ближняго содержанія заемлется, и тѣмъ разумъ дополняется, и еще преимѣняя родъ, число, лице, надежъ, или что другое. Такъ Цицеронъ пишучи къ брату своему говорить: *онъ съ страха, а я съ смѣха упалъ*, то есть, и онъ такъ же упалъ: но въ Латинскомъ сіе чувствительнѣе: *онъ съ страха, а я съ смѣха упадохъ*; полный сего разумъ, *онъ съ страха упаде*; а сего *упаде* въ рѣчи неоставало, и для того приразумѣвается оно отъ ближняго *упадохъ* съ преимѣненіемъ токмо лица. И такъ, взявъ въ помощь сію фигуру, такъ надобно разумѣть Автору сію строфу: волы въ лугахъ благоуханныхъ, во множествѣ слатчайшихъ травъ, покоясь отъ трудовъ имъ данныхъ *здравы суть*, и весь ихъ скотъ пасомый *здравъ есть*. Но по совѣсти сказать, Авторъ ни во снѣ не думалъ о сей фигурѣ: а другаго впрочемъ, для самаго слабаго одобренія своей строфы, никакѡва ему отнюдь невозможно сыскать убѣжища.

11.

О! вы щасливые народы,
 Имущи таковую часть!
 Послушны вамъ земля и воды,
 Надъ всѣмъ, что зрите, ваша власть:
 Живущіежъ по Творчей волѣ,
 Еще стократъ щасливы болѣ.

Въ Эпистолѣ своей о Рускомъ языкѣ, Авторъ не знаю надъ кѣмъ изволить Сатирически смѣяться говоря:

Одинъ послѣдуя не свойственному складу,
Влечетъ въ Германію Россійскую Палладу.

Хотя и оба сіи стиха, что до стопъ, худы, для того что Цезуры не означены Іамбомъ; однако не до того здѣсь дѣло; а поговоримъ о семъ послѣ. Миѣ токмо хотѣлось бы знать, какую послѣднимъ сея строфы стихомъ самъ Авторъ влечетъ въ Россію къ намъ Палладу: ибо *еще стократъ шасливъ болъ*, написано не по Руски вмѣсто *еще стократъ шасливѣ*, или *шасливѣйшии*. Видите, Государь мой, что никому меньше, какъ Автору, по справедливости, можно смѣяться надъ другими, и еще ихъ несносно ругать, и язвить. Весьма ему приличны слова Христа Спасителя нашего: врачу, исцѣлися самъ: сучецъ во очеси брата твоего зриши, у себе же бервна не чуеши. Генеральное опредѣленіе на сію оду, Авторъ самъ потщался здѣлать въ четырехъ стихахъ, и именемъ своимъ закрѣпить: первыи два положилъ онъ въ Эпистолѣ о стихотворствѣ, а другіи два въ Эпистолѣ о Рускомъ языкѣ.

Первыи:

Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ, ни правилъ.

А другіи:

Кто пишетъ, долженъ мысль прочистить напередъ,
И прежде самому себѣ подать въ томъ свѣтъ.

Ясно ужé вамъ, Государь мой, теперь видѣть можно и по сему первому дѣлу, коль велико искусство въ сочиненіи нашего Автора. Изволили вы чрезъ то познать, коль великій онъ Грамматикъ, Реторъ, Піитъ, Логикъ, Философъ, а при томъ, коль много онъ читаетъ наши книги, и потому какое имѣетъ знаніе въ Грамматическомъ составленіи. Чего ради, давно ужé-было пора ему опомниться, себя и свои силы осмотрѣть, а напоследокъ, тщеславія и самохвальства убавить. Поистиннѣ, сими толь ясно видимыми въ немъ пороками, больше онъ себѣ вредитъ, нежели бесчеститъ тѣхъ, коихъ онъ нѣже себя почитаетъ, и прободаетъ толь чувствительно и ненависно. Не думаетъ ли онъ, что всѣ прочіи того не видятъ, чамъ онъ зараженъ, чего онъ самъ стѣбитъ, и что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ цепи спустилъ своевольную въ лихости свою музу? Но впрочемъ, хотябъ кто ему такое напоминаіе и дружески представилъ; однакобъ тотъ потерялъ свое время, трудъ и слова, а успѣхабъ отнюдъ не получилъ въ томъ ни малаго. Затвердѣла ужé въ серд-

цѣ его сія страсть: не можетъ въ немъ ея ничто погасить, развѣ токмо нѣкоторый родъ чуда, или особливая благодать Господня. Сея ему Христіански и желаю! А чтожъ принадлежитъ до нынѣшняго времени; то любви ему токмо тѣ, которыи ему дивятся, и его хвалятъ. Весьмабъ онъ былъ щасливъ, ежелибъ по крайней мѣрѣ могъ усматривать, кто какъ и какимъ духомъ его хвалятъ. Ибо есть, какъ вѣроятно, кои сами не знаютъ, что въ сочиненіи его хвалятъ. Есть можетъ быть, кои то дѣлаютъ льстя нарочно, дабы его приводить къ большому себя оказанію, и чрезъ тобъ чаще имѣть себѣ причину къ смѣху. Наконецъ, думаю что есть и такіе, кои ненавидя его похваляютъ, дабы ободряющею своею похвалою возбудить его еще къ явнѣйшей нерассудности, и тѣмъ бы его или погубить, или по крайней мѣрѣ привести въ напасть и бѣдство. Однако, до всего того, Государь мой, мнѣ нѣтъ дѣла: самъ онъ возрастъ имѣетъ, самъ о себѣ да печется. Я токмо рассматриваю его стихотвореніе; а по предѣ воспріятому мною намѣренію одну и первую его штуку ужé рассмотрѣлъ. Теперь должно мнѣ приняться за другую Господина Автора Оду. Ея рассматривать я буду тѣмъ же способомъ, какъ и первую: именномъ, каждую строфу порознь, и въ каждой, что найдется достойнаго, то неліцемерно похваляя, а какія несовершенства и погрѣшности явятся, тѣ съ довольною пощадою осуждая.

Слѣдующая Ода, ежели Автору вѣрить, есть или самый верьхъ совершенства въ семъ родѣ, или, по крайней мѣрѣ, выше всего того изъ Одъ, что мы ни имѣемъ похвальнаго у себя понынѣ. Боже мой! кому онъ ея писменныя еще не читалъ? Изъ смыслящихъ и незнающихъ, изъ знакомыхъ и невѣдомыхъ себѣ, словомъ, ктобъ къ нему ни пришелъ, или къ комубъ онъ самъ съ нею ни прибѣжалъ, всѣхъ убивалъ ею. Былъ онъ тогда съ нею точная Гораціева пѣвица, которая отъ тѣла не отпадаетъ, пока вся кровію не наполнится. Завелъ либъ кто слово о высококомъ при немъ стилѣ? Тотчасъ онъ одну нѣкоторую строфу изъ сея Оды въ примѣръ ставилъ, и говорилъ необиновенно, что сія есть совершенный образецъ высокости; а прочее все или недостаточно, или пустошь. Продолжалъ онъ самъ свою похвалу довольно чрезъ многое время; а надѣюсь, что и нынѣ еще сегожъ самаго онъ при случаѣ не оставляетъ. Удивительно было, видѣть его къ тому устремленію и жаръ защищенія, ежелибъ кто дерзнулъ сказать, что не токмо та строфа, но и вся его Ода есть изъ самыхъ посредственныхъ. Но я вамъ, Государь мой, доношу, что она еще меньше посредственна, нежели сколько порочна: вы изволите увидѣть то сами.

1.

Оставимъ брани и побѣды,
 Кровавый мечъ пріялъ покой.
 Покойтесь мирные сосѣды,
 И защищайтесь сей рукой,
 Которая единымъ взмахомъ
 Сильна повергнуть грады прахомъ,
 Какъ дерзость свой подыметъ рогъ,
 Пускай Гомеръ Боговъ умножить,
 Сія рука ихъ всѣхъ низложитъ
 Къ подножію Монаршихъ ногъ.

Второй стихъ оконченъ *покоемъ*, а третій начинается тѣмже самымъ звономъ, а именно, *покойтесь*: сіе всѣ знатныи Пійты почитаютъ за порокъ, а особливо въ Одахъ. Но и кетатиль повелѣвать мирнымъ сосѣдамъ покоиться? они, когда мирные, то тѣмъ самымъ давно ужé въ покоѣ пребываютъ и безъ принужденія ихъ къ тому: лучшебъ было, еслибъ Авторъ употребилъ слово *дружными сосѣды* вмѣсто *мирныи*. Въ четвертомъ стихѣ Авторъ сосѣдамъ же говорить: *и защищайтесь сей рукой*. Но при томъ не изволилъ онъ намъ изъяснить, сія рука есть чья, которая толь есть сильна: ибо намъ самимъ невозможно никакъ догадаться. Мѣстоименіе указательное *сей*, показываетъ токмо руку; но рука сія чья, того не объявляетъ. Выше имѣемъ мы изъ именъ *брань*, *побѣду*, *мечъ*: по сему, рука сія толь сильная долженствуетъ быть или бранная, или побѣдная, или мечная: сосѣдней быть ей нельзя, для того что должно имъ ею защищаться. Но положимъ ужé, что она Монаршая; то и въ семъ разумѣ нескладно Авторъ употребилъ слова, *къ подножію Монаршихъ ногъ*, вмѣсто *къ подножію своихъ ногъ*; или, *своихъ Монаршихъ ногъ*. Да и къ подножію ногъ хорошоль? всеконечно подножіе есть не рукъ. А хотя и есть у насъ, во Псалмахъ: *поклоняйтесь подножію ногу его*; но сіе есть переводъ, и можетъ быть, что на Еврейскомъ языкѣ имя *подножіе*, не производится отъ ногъ, какъ то и на Латинскомъ *scabellum* не отъ ногъ же. Низложить гордаго къ Монаршескому подножію, и безъ приложенія ногъ, есть весьма дѣло славное и Героическое, а гордому чувствительное. Шестой стихъ есть неправильнаго сочиненія, для того что не по свойству нашего языка *повергаются грады прахомъ*, но надобно *въ прахъ*. Осмый, *пускай Гомеръ Боговъ умножитъ*, есть какъ пустой, такъ и негодный. Что означаетъ Авторъ чрезъ Гомера, и чрезъ умноженіе его Боговъ? Гомеръ былъ Пійтъ, и описалъ баснословно Троянскую войну, и походженіе Улиссово; а Боги его были всѣ ничто,

то есть, не-было ихъ въ самой вещи. Какаяжъ хвала, что сія рука низложитъ такихъ, которыхъ не бывало, и быть уже они не могутъ? Да и на что толь въ важной Одѣ, коею Авторъ Благочестивѣйшую Самодержицу нашу воспѣтъ по достоинству тщался, Баснословецъ Гомеръ [который впрочемъ Одѣ не писалъ, и потому брать его въ образецъ неприлично] и ложныи Боги? Въ самомъ баснословіи брань имѣли съ сими Богами Титаны и Гиганты, которые однако за злочестивыхъ и тамъ почитаются. Что больше? Стихъ сей, *пускай Гомеръ Боговъ умножитъ*, есть и ложный по мысли, и нечестивый по разуму. Ежелибъ вмѣсто его у Автора былъ такой, *пусть зависть намъ враговъ умножитъ*; тобъ въ строфѣ сей ложнаго и негоднаго быть ничего не могло. Впрочемъ, у Автора по седьмомъ стихѣ стоитъ запятая, а должно стоять двоеточію.

2.

О! дерска мысль куды взлѣтаешъ?
 Куды возносишь плѣнный умъ?
 Елисаветъ изображаешъ,
 Ея дѣлъ славныхъ громкій шумъ
 Гремитъ во всѣхъ концахъ вселенны,
 И тщетно мысли восхищенны.
 Извѣстны ужъ Ея хвалы,
 Уже и горы возвѣщаютъ
 Дѣла, что Небеса пронзаютъ,
 Лѣса, и гордые валы.

Первыи осмь стиховъ въ сей строфѣ всѣ изрядны, кромѣ слова *куды*, вмѣсто *куда*, и кромѣ *взлѣтаешъ*, за *взлеташъ*. Но Автора нашего такая участь, чтобъ ему нигдѣ безъ погрѣшностей не быть: ибо два послѣдніа стиха первое что темны и обоудны, а другое что противный намѣренію Авторову разумъ имѣютъ. Можно догадываться, что Авторъ такъ хочетъ мысль свою показать, именножъ, что *дѣлами небеса пронзаются*, и совокупно *лѣса*, и *гордыи валы*. Но понеже какъ *дѣла* средняго рода, во множественномъ числѣ, и въ винительномъ падежѣ, такъ и *небеса*; то чемъ онъ доказываетъ намъ, что у него точно оный въ сихъ двухъ стихахъ разумъ? Ибо равнымъ образомъ можно разумѣть, что небесами, лѣсами, и валами дѣла пронзаются, толь наипаче, что возносительное *что*, такъ же въ винительномъ падежѣ, и во множественномъ числѣ. Вотъ коль ясно Авторъ нашъ сочиняетъ; или лучше, вотъ какъ онъ умѣетъ сомнительный опредѣлять разумъ. При томъ, изволить ли онъ знать, что глаголъ *пронзаю*, есть тожъ что и *прободаю*? Итакъ, что то у насъ за разумъ, когда дѣла прободаютъ небо, лѣсъ, и гордую

вѣдну? Но скажетъ, что онъ взялъ прозаю за Французское *recueil*; однако, Метафора сія у Французовъ употребительна, а у насъ она странна и дика, еще и ни какія пошлыя въ семь разумѣ не означаетъ идеи.

Что очень хорошо на языкѣ Французскомъ;

То можетъ въ точности быть скаредно на Русскомъ, какъ то самъ Авторъ говоритъ въ Эпистолѣ о Русскомъ языкѣ, хотя впрочемъ вторыи его стихъ и неисправенъ въ Цезурѣ. Того ради, вотъ, Государь мой, обоимъ его симъ стихамъ надлежало быть какимъ:

Дѣла, что въ небо проникаютъ,
Въ лѣса, и въ гордыя валы.

Глаголъ *penètre*, есть точно то, что у Французовъ *pénétrer*. Съ другой стороны, препинанія и въ сей строфѣ у Автора худы: ибо по третіемъ стихѣ надлежитъ быть двоеточію, а не запятой: по пятомъ точкѣ, а не запятой: по шестомъ двоеточію, а не точкѣ.

3.

Взгляни въ концы Твоей державы
Царица полуночныхъ странъ,
Весь сѣверъ чтитъ Твои уставы
До мѣстъ, что кончитъ Окіанъ,
До края областей безвѣстныхъ
Исполненъ радостей всемѣстныхъ,
Что Ты Петровъ воздвигла прахъ,
Дѣла его возобновила,
И духъ его въ себѣ вмѣстила,
Являя свѣту прежній страхъ.

Помнитъ ли почтенный Авторъ, что онъ Оду сочинялъ, то есть самый высокій родъ стихотворенія? Но положимъ, что онъ въ твердой былъ памяти; то для чегожъ не старался онъ о выборѣ словъ? Ода не терпитъ обыкновенныхъ народныхъ рѣчей: она совсѣмъ отъ тѣхъ удаляется, и приѣмлетъ въ себя токмо высокіе и великолѣпные. По сему, чегобъ ради ему не положить *воззри*, вмѣсто *взгляни*? Видно, что ему звонъ литеры (я) есть милъ: ибо онъ вмѣсто правльнаго *клену*, пишетъ смѣшнымъ образомъ *клянну*: а для чего? Самъ онъ не знаетъ; да и право не имѣетъ твердаго основанія; но о семъ послѣ. *Твоей державы*, вмѣсто *Твоея*, неправо, и досадно нѣжному слуху. Искусныи никогда не напишутъ *Океана* *Окіаномъ*. *Окіаномъ* выговариваютъ токмо такіе люди, которыи подобны знаніемъ Автору; а изъ знающихъ, что оно есть Греческое слово, и что пишется *ὠκεανός*, никто не напишетъ *Окіаномъ*. *Петровъ прахъ*, упо-

требленный Авторомъ въ сей строфѣ, есть уничтожительное изображеніе. Надлежало-было ему не вносить такіа нискости, когдабъ въ немъ находилось столько благоразумія, чтобъ онъ могъ о семъ рассудить. Всякому читателю, имѣющему ревнительное сердце къ бессмертной славѣ Государя нашего Петра Великаго, жаль, что толикаго Монарха тѣло называется отъ Автора прахомъ. Благоразумный и Богословъ, и въ приличной правоучительной матеріи, назоветъ ЕГО или перстію, или мертвенностію, или останками, или какъ иначе, толькожъ съ почтеніемъ. Того ради, симъ бы слѣдующимъ образомъ лучше могло быть послѣднее его четверостишіе:

Что Ты Петра воздвигла намъ,
Дѣла его возобновила,
И самый духъ въ себѣ вмѣстила,
Являя прежній страхъ врагамъ.

Ясно вамъ, Государь мой, что мысли всѣ Авторовы, а подлости нѣтъ никакія въ изображеніяхъ; и еще порочное и повтореніе, *его его*, выкинуто.

4.

Стеналъ по немъ сей градъ священный,
Ревѣлъ великій Окіанъ,
Въ послѣдній облакъ восхищенный,
Лишенъ, кому онъ въ область данъ,
И въ Нордѣ флотъ его прославилъ,
Въ которыхъ онъ три флота правилъ,
Своей рукой являя путь.
Борей безстрашно дерзновенный
Въ воздушныхъ узахъ заключенный
Не смѣлъ прервать окобъ, и дуть.

Не говоря уже ничего объ Авторовомъ Окіанѣ, желательнѣе мнѣ было знать, кто *въ послѣдній облакъ восхищенный, лишенъ?* Градъ ли священный, или великій Окіанъ? Да и что значить, *въ послѣдній облакъ восхищенный, лишенъ, кому онъ въ область данъ?* Толь высоко Авторъ изволить писать, что уже и за разумъ залетаеть. О! дерсека Авторова мысль, куда залетаешь, не имѣя высокопарныхъ крилъ и затѣмъ не подымаясь отъ нискихъ своихъ долѣвъ ни на вершокъ? Просимъ тебя, мысль дорогая, не летай толь высоко, да изображай себя пожалуй съ надлежащею только ясностію; въ чемъ поистиннѣ и можетъ тебѣ удался, ежели твердо будешь знать Грамматику, и всѣ ея свойства: ибо въ сей же строфѣ шестый стихъ, *въ которыхъ онъ три флота правилъ*, порочное имѣеть правленіе, для того что глаголь *право*,

означающій повелѣніе къ правленію, а не дѣйствіе самое правленія, править творительнымъ падежемъ, а не винительнымъ, чего ради и надлежало ему быть, *въ которыхъ онъ тремя флотами правилъ*. Чтожъ возносительное, *въ которыхъ*, соединила Ты съ Нордомъ и флотомъ, то худо: ибо такія мѣстоименія съ однимъ предъидущимъ единственнымъ, или множественнымъ соглашаются, о чемъ-было тебѣ знать должно было. Чего ради, надлежитъ вмѣсто *въ которыхъ*, поставить *идь*. Но при всемъ томъ, здѣсь есть ложь и въ самомъ бытіи: ибо Петръ Великій управлялъ въ Нордѣ четыре, а не три флота, а именно, Россійскій, Англинскій, Дацкій и Голландскій. Но отъ сеголь намъ Пинта должно ожидать исправности, а особливо историческія? По первомъ стихѣ надлежало быть точкѣ съ запятою; а по четвертомъ должно было поставить двоеточіе.

5.

Ударомъ нестерпима Рока

Бунтуетъ воинъ въ страшный часъ.

Отдай Петра, о смерть жестока,

И вооружись противу насъ.

Хотя воздвигни всѣ стихіи,

И вооружи противъ Россіи,

Пойдемъ противъ Громовыхъ тучъ;

Но тщетно горестъ гнѣвъ раждала,

И ярость воиновъ терзала:

Сокрыло солнце красный лучъ.

Нѣтъ, Государыня мысль, кою Авторъ нашъ не умѣетъ правильно изъяснять, не ударомъ нестерпима Рока бунтуетъ воинъ, да или отъ удара, или съ удара, или въ ударѣ, или при ударѣ, или по ударѣ, или за ударѣ, или напоследокъ ради удара. Впрочемъ, видно вамъ, Государь мой, что строфа сія наволнена на глаголіями *противу* и *противъ*, да глаголами *вооружись* и *вооружи*. И понеже въ ней нѣтъ различія въ словахъ; того ради, не можетъ она названа быть Одическою строфою. Моглабъ она быть исправнѣе и краснѣе симъ образомъ:

Въ ударѣ нестерпима Рока

Бунтуетъ воинъ въ страшный часъ:

Отдай Петра, о! смерть жестока,

А вооружись косою на насъ:

Хотяжъ воздвигнешь всѣ стихіи,

И встанешь Ты противъ Россіи;

Не устрашимся громныхъ тучъ.

Но тщетно горестъ гнѣвъ раждала,

И ярость воиновъ терзала:

Сожрыло солнце красный лучъ.

Ваши, Государь мой, свидѣтельствуюсь что мой строфа во всемъ его исправилъ. Ибо сочиненіе въ ней правильное; а при томъ, различіе словъ введено, и предъидущее съ послѣдующимъ сопряжено. По второмъ стихѣ у Автора стоитъ точка, а надобно быть двоеточію; такъ же и по четвертомъ вмѣсто точки двоеточіюжъ. По шестомъ авторъ положилъ запятую, а надобна тутъ точка съ запятою. По седьмомъ у него точка съ запятою, но должно поставить точку.

6.

Тобой возшелъ нашъ лучъ полдневный
 На мрачный прежде горизонтъ,
 Тобой разрушенъ облакъ гнѣвный,
 Свирѣпы звѣзды пали въ Понтъ.
 Ты днесъ фортуна намъ плѣнила,
 И грозный Рокъ остановила,
 Въ единый мигъ своей рукой
 Объяла все свои границы.
 Се дѣло днесъ одной Дѣвицы
 Полсвѣту возвратитъ покой.

Авторъ предъидущую строфу окончилъ хотя *лучемъ*; однако сію послѣдующую почитай непосредственно тѣмъ же *лучемъ* начинается. Сіе значить, что онъ или мало нашихъ словъ знаетъ, или не чувствуетъ въ семъ порока. Что мѣшало, поставить ему здѣсь мѣсто луча, *свѣтъ*? Кто ударяетъ слово *разрушенъ* на *у*, какъ то здѣсь Авторъ; тотъ сказываетъ, что оно взято вмѣсто *разрѣзанъ*; ибо вмѣсто *раззоренъ*, какъ то и кажется, что Авторъ то означаетъ, надобно ударить сіе слово на *иенъ*, *разрушенъ*. Но прошу, Государь мой, сказать мнѣ, что значить, *разрушенъ облакъ мнѣный*, и *свирѣпы звѣзды пали въ Понтъ*? Да и можетъ ли кто быть толь великій Аполлинъ, который бы могъ какой нибудь найти въ семъ разумъ? Сіе точно самое называется Сумбуромъ не означающимъ никакія мысли. Въ седьмомъ стихѣ слово *мигъ*, есть подлое, и слѣдовательно не одическое. Вмѣсто его высокимъ стилемъ говорится *миновеніе ока*. Можетъ статья, что слово *мигъ*, Авторъ предпочитаетъ *миновенію* по привычкѣ своихъ очей. Въ немже поставлено *своей рукой*, вмѣсто *твоей рукой*, худо: ибо рѣчь идетъ взывательная, и обращена она ко второму лицу. Для сеяжъ самыя причины и *свои границы*, за *твои границы*, художъ и неправильно. Напоследокъ, по второмъ стихѣ Авторъ изволилъ положить запятую вмѣсто точки съ запя-

тою; сіежь самое и по третіемъ стихѣ: По четвертомъ не точкѣ надобно стоять, но двоеточію. По шестомъ не замятой, но точкѣ съ замятой; такъ же и по седьмомъ. Послѣдній стихъ оконченъ точкою; а надобно было его окончить удивительною: ибо тутъ такъ называемая фигура Эпифонема, то есть, возвращеніе

7.

Отверзлась вѣчность, всѣ Герои
Предстали во умѣ моемъ,
Падутъ восточныхъ странъ днесь вои,
Скончавшись въ мужествѣ своемъ,
Когда Беллона стрѣлы мечеть,
И Александръ въ побѣдахъ блещеть
Идущъ въ Индійскіе страны,
И мнитъ достигнувъ край вселенны
Направить мысли устремленны
Противу солнца и луны.

8.

На Вавилонъ свой мечъ подьѣмлетъ
Къ стѣнамъ его идущій Каръ,
Весь свѣтъ его законы внемлетъ,
Плѣнилъ Востокъ, и правитъ міръ.
Се ищетъ Греція Елены,
И вержетъ Иліонски стѣны,
Покрылъ брега Скамандры дымъ,
Помпей едину жизнь спасаетъ,
Когда Іулій смерть бросаетъ,
И емлетъ въ область свѣтъ и Римъ.

9.

Не вижу никакія славы,
Одна рѣками кровь течеть,
Алчба всемірныя державы
Въ своихъ перунахъ смерть несетъ,
Встаютъ народы на народы,
И кроетъ мечь Пергамски воды
Похвальный Грековъ главный Царь,
Чего гнушаются и звѣри,
Проливши кровь любезной дщери,
Для мщенія багрить олтарь.

Боже мой! сколько Авторъ положилъ въ три сіи строфы правды и баснословныя исторіи! Да на что все сіе толикое велерѣчіе? Для изъявленія, что во всемъ свѣтѣ много войны бывало! Изрядно.

Однако въ седьмой строфѣ Авторъ прорицаетъ о прошедшемъ, что у него *падутъ восточныя страны днесь вси*, которыя давно уже пали, и говоритъ неправо, что ему *отверзлась вѣчность*: ибо ему отверзлась вмѣсто ея *древность*, для того что всѣ овыи Герои, коихъ Авторъ упоминаетъ, были въ древности въ рассужденіи насъ, а не въ вѣчности. Вѣчность одному токмо Богу свойственна, а не Героямъ. Ежелибъ я не-былъ совершенно увѣренъ, что Авторъ отнюдъ не знаетъ Богословія; тобъ подумалъ, что онъ говоритъ о такъ называемой у Богослововъ *предней вѣчности*, *aeternitas a parte ante*. Однако и сія вѣчность есть Божія, коея въ срединѣ, что до нашего разума, міръ и всѣ твари пребываютъ; а отъ нея, и такъ же по кончинѣ тварей, поидетъ задняя вѣчность, *aeternitas a parte post*. Но я еще повторяю, что сіе вѣчности раздѣленіе есть токмо слабаго нашего понятія: ибо свойство Божіея вѣчности есть въ томъ, что она состоитъ вся и цѣлая въ одномъ пунктѣ. А какъ? Превосходитъ сіе предѣлы нашего ума: одно токмо мы знаемъ, что имѣтъ въ ней ни начала, ни средины, ни конца. Есть и еще вѣчность, коя называется *вѣчностью* *); а имѣетъ она начало, но не имѣетъ конца. Сія принадлежитъ до умныхъ и бессмертныхъ тварей. Удивительно, что Господинъ Авторъ, въ ложной своей вѣчности, не нашелъ при тель многихъ походахъ и сраженіяхъ, такъ же и Тебанскія баснословыяжъ войны. Однако, онъ вмѣсто ея наградилъ насъ упоминаніемъ пѣтью о Троянской, вѣдомой ему изъ Даціеріа Гомера; а о Тебанской оной знатно что не слышалъ онъ самъ никогда, для того что Стацій не переведенъ на Французскій языкъ съ Латинскаго. Въ осмой Одѣ въ четвертомъ стихѣ поставлено, *правитъ міръ* неправильнымъ правленіемъ за *правитъ міромъ*; а въ шестомъ стихѣ говоритъ Авторъ: *и вероуетъ Иліонски стѣны*, неправожъ, для того что глаголь *вероуетъ* есть неупотребительный, а надобно было ему сказать *повергаетъ*. *Иліонски*, вмѣсто *Иліонки*, есть неправожъ: ибо Ἴλιος [солнце], отъ чего Иліонскъ городъ Троя названъ, пишется по Гречески одною замвдою, или нацимъ (α). Въ сей же самой строфѣ, какимъ дымомъ у Автора покрываются брега рѣки Скамандры? Ибо когда Греки воевали противъ Трои, тогда какъ у нихъ, такъ и у Троевъ не-было еще ни бомбъ, ни пушекъ, и ни какъова огнестрѣльнаго оружія. Того ради, что чрезъ сей дымъ надобно разумѣть того не знаю, развѣ только или мглу, или пыль, или уже подлинно оный дымъ, который бытъ отъ огня, какъ Греки жгли Троевъ: однако дѣлали

*) aeviternitas.

они сіе тогда, когда ужé всеконечно взяли городъ обманоу, а не когда еще осаждали. Но въ послѣднемъ стихѣ селяжъ строфы, что намъ за диковинку Авторъ предлагаетъ, когда *Іулій емлетъ въ область свѣтъ и Римъ?* Не великая поистиннѣ штука, весь свѣтъ взявши, взять ужé Римъ городъ: Римъ заемлетъ самую малую, и нечувствительную частицу вселенныя. Но превеликое дѣло то, чтобъ Іулію, взявъ Римъ, покорить тѣмъ самымъ весь себѣ міръ, какъ то и подлинно тамъ тогда было. Автору не позволилъ Скамандринъ дымъ, положить прежде Римъ, а потомъ свѣтъ. Но что намъ нужды, что Риема привела къ тому Автора? Намъ надобенъ токмо Эмфазисъ, то есть, сильное изображеніе. Надлежало-было стараться о томъ Автору, чтобъ и Эмфазисъ, и Риема были у него между собою согласны. Въ девятой строфѣ осмый стихъ, *чею тушаются и зепри,* долженствовалъ положенъ быть девятымъ вмѣсто сего, *пролиши кровь любезной дщери;* а сей вмѣсто онаго осмымъ: ибо такъ, какъ у Автора они расположены, смыслъ въ нарочитомъ есть смѣшеніи. Съ другой сторонѣ, *любезной дщери,* вмѣсто *любезныя дщери,* есть неправильно, и досадно слуху, для того что существительнаго имени *дщери,* есть полный родительный падежъ, а прилагательнаго *любезной,* есть сокращенный, или лучше, развращенный отъ народнаго незнанія, а въ самой вещи онъ есть дательный. Слѣдовательно, въ красномъ сочиненіи дательный падежъ за родительный употреблять очень худо. Впрочемъ, о строчныхъ препинаніяхъ въ сихъ трехъ строфахъ я ужé не упоминаю, и упоминать больше нигдѣ объ нихъ не буду: довольно токмо вообще сказать, что Авторъ ихъ ни знаетъ ни вѣдаетъ, и для того меньше ему снѣтокъ. Да и какъ знать такому писателю, который не токмо не учивался періодологии, и не слыхивалъ ни отъ кого о разности періодовъ, объ ихъ членахъ, и объ ихъ существенныхъ частяхъ, но и не сочинявалъ ни одного еще новынѣ правительнаго періода. Но кто всего того не смыслить; тому знать и препинанія, какъ отъ сего единственно зависящія, очень трудно. Излишно ужé говорить объ общей сумѣсницѣ въ сихъ трехъ строфахъ: самъ всякій читатель можетъ то видѣть съ перваго взгляда. Сперва у него Александръ Великій воюетъ; потомъ Киръ идетъ, который былъ прежде Александра, на Вавилонъ; послѣ, тотчасъ Греція соглашается на Трою, и ужé требуетъ силою Елены, а сіе было задолго прежде Кира. Но вотъ и конецъ Римскія республики непосредственно послѣ Кира: Іулій съ Помпеемъ междоусобно сражаются, такъ что Іулій смертію какъ мячомъ въ Помпея бросаетъ, хотя отъ Кира до сего времени и много лѣтъ прошло. Чтожъ еще? паки война при Троѣ, и мечь какъ одѣя-

ломъ кроетъ Пергамски воды. Чтожъ и напоследокъ? Такъ называемый, толькожъ впрочемъ не логическій, *кругъ порочный*, то есть, Агамемнонъ еще не началъ Троянскія осады, хотя ужé мечь и кроетъ Троянскія рѣки: ибо онъ приноситъ дочь свою Іфигенію въ жертву Богамъ прежде нежели еще мечь покрывала Пергамски воды. Не Энтузіасмъ ли то, Государь мой, нетрезвый? или лучше не Сумбуръ ли то прямо Сумбурный, гдѣ круглое съ четвероугольнымъ смѣшано? Надобно, чтобъ нашъ Авторъ чрезъ чуръ хватилъ Гиппокренскія воды, когда онъ сіе сочинялъ.

10.

Но здѣсь воинскій звукъ ужасный
 Подвластенъ Дѣвѣ днесь молчить,
 Единъ въ побѣдѣ вопль согласный
 Съ Петровымъ именемъ гремитъ.
 Въ покоѣ градъ, лѣса, и горы,
 Съ покоемъ Нимфы ждуть Авроры.
 Едина лишъ Елисаветъ
 Исполненная днесь любви
 Брежетъ своихъ подданныхъ крови,
 И въ тихости свой скиптръ беретъ.

Авторъ нашъ великое и нарочное прилагаетъ стараніе, чтобъ ему писать слова по кореню: Слово въ четвертомъ стихѣ, *именемъ* отъ *имя*, написано точно по произведенію. Не можноль по сему сказать, что Авторъ нашъ исправный Грамматикъ? Нѣтъ, Государь мой; Грамматики въ немъ не видно ни тѣни. Ежелибъ онъ зналъ, что Славенскія имена, кончающіяся на *мя*, какъ то *время*, *тѣмя*, *стѣмя*, *племя*, и подобныя въ родительномъ падежѣ коренное (я) переменяютъ въ (е), и хранятъ сіе (е) во всѣхъ прочихъ косвенныхъ падежахъ, кромѣ винительнаго и звательнаго: тобъ онъ никогда не писалъ *именемъ*, но *именемъ*. Впрочемъ, тщетно, предъ нехотящимъ слушать, пѣть пѣсню. Кого почтенный Авторъ разумѣетъ въ шестомъ стихѣ чрезъ *Нимфы*, кои съ покоемъ ждуть *Авроры*, того я не знаю: знаю, что Нимфы были баснословныя Богини; а что имъ въ сей строфѣ дѣла, и какую онѣ приносятъ собою, и именемъ своимъ толь важной одѣ, а не пѣсенкѣ, красоту, о томъ пускай Авторъ намъ скажетъ, буде ему угодно. Въ осмомъ стихѣ употреблено слово *любви*, не знаюжъ пръ каковски: мы прочіи всѣ скланяемъ сіе имя слѣдующимъ образомъ: *любовь*, *любви*, а не *любови*, и такъ далѣе во всѣхъ косвенныхъ падежахъ, кромѣ винительнаго и звательнаго.

11.

Еще тѣнь Небо покрываетъ,
 Еще луна въ звѣздахъ горитъ,
 Прекрасно солнце отдыхаетъ,
 И лучъ его въ валахъ сокрытъ.
 Россія жъ вся ужé встрѣчаетъ,
 Владычицу что Богъ вѣнчаетъ,
 Се бурный вихрь реветъ престалъ,
 Теперь Дѣвическая сила
 Полсвѣта скиптру покорила,
 Низпалъ изъ облакъ гнѣвный валъ.

Во всей Одѣ сей весьма много *валовъ* у Автора: *Валы* въ ней иногда *гордые*, иногда въ ней *валъ грозный*, иногда берутся *валы во область*, иногда *волна берса ломитъ*, иногда *Кедръ листья въ вала бросаетъ*: да и въ сей одиннадцатой строфѣ, солнечный лучъ въ *валахъ* же скрывается, и низпадаетъ изъ облаковъ *тѣмный* же *валъ*: и того всего и въ сей строфѣ *дважды вала*. У него и въ Гамлетѣ такъ же *валу* надлежитъ быть освѣщену *вмѣсто моря и водъ*. Еслибъ Авторъ особливаго не имѣлъ любленія къ *валамъ*; тобъ ему можно было, кажется, въ четвертомъ стихѣ сея строфы обойтись и безъ *валовъ*, и написать свой стихъ такъ:

въ моряхъ
 И лучъ его *въ водахъ* сокрытъ
въ струяхъ
 вмѣсто:

И лучъ его *въ валахъ* сокрытъ.

Хотяжъ я и не вижу кромѣ темныя Аллегоріи, что при встрѣчаніи отъ Россіи Боговѣнчаемыя Владычицы бурный вихрь *реветъ* [вмѣсто *ревѣтъ*] престалъ; однако разумѣю, что Авторъ изображаетъ всемирную въ Россіи тишину, дарованную ей восшествіемъ на престолъ Самодержицынымъ, а прежде того, бывшее нѣкоторое нестроеніе. Но что Авторъ разумѣетъ въ послѣднемъ стихѣ, чрезъ *низпалъ изъ облакъ тѣмный валъ*; того отнюдъ понять не могу, и чаю, что и ни кто сего никогда не пойметъ, и еще думаю, что хотя и самого Автора спросить, то онъ такъ же непонятное сіе чрезъ непонятноежъ толковать станетъ. Какъ? Кто видалъ, чѣтобъ *тѣмный валъ изъ облакъ низпалъ*! Что то за *дивовище*? или лучше, что то за *Сумбуръ*? и толь страннѣйшій, что онъ здѣсь пригѣпленъ, какъ горохъ къ стѣнѣ.

12.

Великій Понтъ что міръ объемлетъ
 И въ полы кругъ земный дѣлится,

Тобою нашу славу внемлетъ,
 И ужъ въ концахъ землі гремитъ.
 Балтійскій брегъ днесъ ощущаетъ,
 Что моремъ паки Петръ владаетъ,
 И вся подъ нимъ земля дрожитъ,
 Нептунъ ему свой скиптръ вручаетъ,
 И съ страхомъ Невскій флотъ встрѣчаетъ,
 Что мимо Белтскихъ горъ бѣжитъ.

Въ двухъ первыхъ стихахъ сея строфы, хотя описаніе есть праведное; однако, вѣдая, что Авторъ очень малый Козмологъ, хотѣлъ бы я знать, какимъ образомъ великій Понтъ, то есть, какъ видно, цѣлый Океанъ впóлы кругъ земный дѣлитъ у него? Я нимаю не сомнѣваюсь, что вопросившему себя о томъ, онъ что нибудь или неправое, и смѣха достойное скажетъ. Четвертый стихъ, *и ужъ въ концахъ землі гремитъ*, я не знаю куда приложить, къ великому Понту, или къ славѣ? Буде къ Понту; то не знаю, какъ ему въ концахъ землі гремѣть, и что чрезъ сіе Авторъ разумѣетъ: но ежели къ славѣ; то, для ясности, надлежало такъ свой стихъ Автору составить: *ужъ та въ концахъ землі гремитъ*. Глаголь *владаю*, который въ шестомъ стихѣ, есть развращенный: искуснии въ языкѣ говорятъ *владѣю*, а на *аю* произносятъ и пишутъ сей *обладаю*, а не *владаю*. Но вотъ еще я у Нептуна скиптръ въ осмомъ стихѣ! Что за новая Митологія? Древнии язычники изображали сего Бошка съ трезубцомъ, а не съ скиптромъ. Однако, будь трезубецъ Нептуновъ скиптромъ: Метафора сія нѣсколько прилична; толькожъ не знаю, пристойноль, чтобъ поганскій Божокъ внесенъ былъ сюда отъ сочинителя Христіанина, и вручалъ бы свой скиптръ Правовѣрнѣйшему Государю. О семъ пускай благоразумнѣйшии рассуждаютъ: но мнѣ въ сочиненіяхъ толикія важности нѣ-любы ни Нимфы, ни Нептуны, ни другіе подобныя сумозбродные тѣни: ибо можно безъ всѣхъ сихъ пúстошей обойтись, какъ то мы увидимъ нѣже. Однако, въ игрушкахъ, или въ нѣкоторомъ баснословномъ совсѣмъ сочиненіи, я не порочу сихъ Нимфъ, Нептуновъ, Белмонъ, Юнонъ, и Аполлиновъ, вѣдая, что онѣ нѣсколько оживляютъ пустую или неважную, или всеконечно по всему баснословнаго рода матерію.

13.

На грозный валъ поставивъ ногу,
 Пошолъ межъ шумныхъ водныхъ нѣдръ,
 И положивъ въ моряхъ дорогу,
 Во область взялъ валы и вѣтръ,

Простеръ премудрую зѣницу,
 И на водахъ свою десницу,
 Подвигнулъ страхомъ глубину,
 Пучина власть его познала,
 И вся земля вострепетала,
 Тритоны вспѣли пѣснь ему.

Дошелъ я до той, Государь мой, строфы, которой Авторъ цѣны не ставитъ, которую выше всего краснаго изъ сочиненій почитаетъ, и въ которой полагаетъ онъ примѣръ всея Питическія высокости. Подлинно, презрядный въ ней жаръ и движеніе; однако какъ много въ ней ложныхъ мыслей, такъ и не сходственныхъ съ мыслями словъ. Она вся то, что у Французовъ называется *фобіусъ*; а мы можемъ назвать, *надутыхъ пузырей пусканіе*, или *ртомъ облаковъ хватаніе*. Въ сей строфѣ говоритъ Авторъ, что *подвилась страхомъ глубина*, и *пучина власть Петра Великаго познала*, когда пошелъ онъ кораблями по мѣрю; однако, *на грозный валъ поставилъ онъ ногу*. Какъ же могъ ужé валъ быть грозенъ, какъ самая малая часть всея глубины, которая однако страхомъ подвиглась, и всея также пучины, коя и сама во власть отдалась? Всякъ видитъ, что сего вала пустые ужé грбзы: а слѣдовательно, *грозный валъ съ страхомъ глубины*, и съ *подданствомъ пучины* не сходствуетъ. Сіе значить, что Авторъ не больше о сходствѣ въ смыслѣ, сколько о звонкихъ словахъ, хотя и пустыхъ, старался. Но не звонкоель бы которое нибудь слово было, когдабъ Авторъ вмѣсто *грознаго вала*, поставилъ или *быстрый*, или *зыбкій*, или какой другой валъ? Однако, сіи слова не показались Автору; а не показались можетъ быть для того, что они сходствовать будутъ съ послѣдующимъ изображеніемъ, именножъ, съ *устрашенною глубиною*, и съ *подвершеною пучиною*: ибо Автору надобенъ токмо звонъ, а кромѣ того ни что: ему и *Левъ Исавръ* пышнымъ кажется именемъ, какъ то я самъ нѣсколько разъ отъ него слыхалъ. Удивительно, какъ онъ сего пышнаго имени въ громкой сей строфѣ не поставилъ. Для его сочиненія все равно, что *на грозный валъ*, что *на Левъ Исавръ*. Второй стихъ Авторовъ идетъ *межъ шумныхъ водныхъ ндръ*; а сіе значить, что онъ идетъ между валами: однако, нога была сперва поставлена на грозный валъ, и потому, надлежало было итти *по грознымъ валамъ* не боясь, а не пробираться между валами. Третій стихъ *пролагаетъ въ моряхъ дорбгу*. Сіиъ Авторъ означаетъ, что флотъ идетъ подъ водою: но ежелибъ пролагаема была дорога *на моряхъ*; тобъ всеконечно корабли такъ шли, какъ они ходятъ, именножъ по поверхности водъ. Въ пятомъ стихѣ *простирается зѣница* ложною мыслию; а о

семь уже доказано, гдѣ я вамъ, Государь мой, предлагалъ о шестой Авторовой строфѣ Парафрастическія Оды. Въ послѣднемъ самомъ стихѣ сея строфы, *Тритоны всплыли тѣнь* благополучно обладавшему моремъ. Но что то за козьи рога, которые въ мѣхъ не лѣзутъ? Какъ? при толикомъ шумѣ, при толикомъ страхѣ, ужасѣ, при толикомъ трепетѣ, и премѣненіи, для того что нога ставится на грозный валъ, ходъ дѣлается между шумными водными нѣдрами, дорога пролагается въ моряхъ, въ область берутся валы и вѣтры, простирается на водахъ зѣница и десница, подвигается отъ страха глубина, пучина подъ власть подвергается, и вся земля трепещетъ, одни Тритоны могутъ быть спокойны и непоколебимы, и еще такъ веселы, что они съ радости поютъ пѣсни! Знато, что сіи Нептуновы музыканты были пьяны; инако, надлежало имъ играть въ свои роги или тревогу, или плачевную Арію, для того что Нептунъ, Государь ихъ, скиптра уже лишился въ предъидущей второй надесять строфѣ, а слѣдовательно и имъ нѣчего тутъ ждать добраго. Сами извольте рассудить, Государь мой, коль малое рассужденіе у Автора. Съ другой стороны, на что сіи Нептуновы пѣснопѣвцы здѣсь? Не можноть бы Христіанину было и безъ нихъ обойтись толь въ важномъ описаніи? Боже преблагій! Благочестивѣйшему Императору, истиннѣйшему Христолюбцу, и правовѣрнѣйшему Христіанину, въ вѣрѣ скончавшемуся, Богомерскіи Тритоны пѣснь поютъ! О! Коль благоразумно въ Одѣ на воспріятіе престола, Всепресвѣтлѣйшей нашей Самодержицѣ удивляется ликъ небесный зря идущую ея въ nocturnomъ мракѣ: ибо Питъ оный зналъ что писалъ, и имѣлъ рассужденіе: того ради и поетъ не вреда Христіанства, но еще и съ бѣльшимъ Автора нашего великолѣпиемъ, говоря:

О! вы недремлющіе очи
Стрегущіе небесный градъ!
Вы бодрствуя во время ночи,
Когда покоясь смертны спятъ,
Взираете сквозь тѣнь густую
На целу широту земную.
Но чаю, что вы въ оный часъ
Впротивъ естественному чину,
Петрову зрѣли дщерь едину
Когда пошла избавить насъ.

Нѣтъ тутъ языческихъ бошковъ, нѣтъ тутъ ни Нептуновъ, ни Тритоновъ: зрятъ тутъ недремлющіи очи, стрегущіи небесный градъ: то есть, зритъ тутъ хоръ небесный. Сей хотябъ тогда не зрѣлъ токмо съ удивленіемъ на Петрову дщерь, но еще при томъ, хотябъ и помогъ, и по успѣхѣ хотябъ и вселадосную пѣснь воспѣлъ; од-

нако, признаваемый Христіанами, весьмабы онъ прилично у Понта сего все то здѣлалъ.

14.

Тобою правда днесъ сіяетъ,
И милосердіе вездѣ цвѣтетъ,
Щедрота скипетромъ владаетъ,
И всѣхъ сердца къ Тебѣ влечетъ.
Тобой далъ плодъ песокъ безплодный,
И камень далъ источникъ водный,
Ты бурѣ повелѣла стать,
И тишину установила,
Когда волна брега ломила,
И возвратила вѣтры всячь.

15.

Твоя хвала днесъ возрастаетъ,
Подобно какъ изъ земныхъ нѣдръ,
До облакъ всходитъ, и скрываетъ
Высоки горы тѣнью, кедръ
До рѣкъ свой корень простирая,
И листвіе въ валы бросая,
Твой громъ колеблетъ небеса,
И молнья сферу рассѣкаетъ,
Послушный вѣтръ моря терзаетъ,
Даютъ путь горы и лѣса.

16.

Ты всѣ успѣхи предварила,
Желанію подавъ конецъ,
И плачь нашъ въ радость обратила,
Рассторгнувъ скорби днесъ сердець.
О вы мѣста красы безвѣстной
Склоните нынѣ верьхъ небесной,
Да взыдетъ нашъ гремящій гласъ
Въ дальнѣйшіе пространства сѣлы,
Пронзивъ послѣдніе предѣлы,
Къ престолу Божьему въ сей часъ.

Сіи три строфы по плану своему не худы, и моглибы названы быть изрядными, ежелибы въ изображеніяхъ ихъ не-было погрѣшностей. Я ужé говорилъ, что глаголь *владаю*, который и здѣсь въ 14 строфѣ употребленъ, есть испорченный, и что чистый сей глаголь пишется, *владѣю*. Съ пятого стиха, до конца на великую силу можно догадываться, что Авторъ благополучіе Россійское, по причинѣ

воспріятаго престола Самодержицею, описываетъ. Однако Аллегорія его очень темна, такъ что, ежели кто не захочетъ догадываться, то тотъ будетъ всегда Автора спрашивать, что значитъ, *камень далъ источникъ водный?* что, *когда волна брега ломила?* что, *и возвратила вѣтры вспять?* При томъ, шестой стихъ не токмо темевъ по Аллегоріи, но еще и обоюдное, то есть, порочное имѣетъ сочиненіе: ибо Авторъ ни чѣмъ не различилъ, *каменемъ ли данъ источникъ водный,* или *источникомъ воднымъ данъ камень.*

Въ четвертой надесять строфѣ первый съ третімъ стихомъ какимъ соглашается звономъ, такимъ точно и въ пятой надесять первый съ третімъ же: сіе отъ всѣхъ осуждается въ стихотворцѣ, и еще больше, ежели родъ стихотворенія есть высокій, каковъ долженствуетъ быть въ Одахъ, и въ Трагедіяхъ. Я поистиннѣ не могу прямо знать, что здѣсь означаетъ Авторъ чрезъ *громъ колеблющій небеса* и чрезъ *молню*, *коя распыкаетъ сферу?* Самодержицына войска громъ не для колебанія небесъ, но для пораженія враговъ: ибо онъ законный и справедливый, и для того вооружаться на небеса никогда не возможетъ. Слово *молня*, вмѣсто *молнія*, есть развращенное. Благоразумнобъ Авторъ могъ дѣлать, ежелибъ онъ отъ такихъ niskихъ вольностей убѣгалъ.

Въ шестой надесять строфѣ, пятый стихъ имѣетъ *красы безвѣстной*, вмѣсто *красы безвѣстныя*, не радивое соединеніе именъ. Неполныя съ полными именами худо соединяются, и досаждаютъ слуху, о чѣмъ ужé я вамъ, Государь мой, доносилъ. Осмый стихъ пороченъ удареніемъ силы, и развращеніемъ имени въ окончаніи его: ибо мы произносимъ не *дальнѣйшій*, но *дальнѣйшій*. Имя *село*, есть средняго рода, которое во множественномъ именительномъ имѣетъ *сѣла*, а не *сѣлы*. Сѣлы, и подобныя имена, кончатъ неправо не пекущіяся о Грамматической исправности: но Авторъ нашъ сочиняетъ краснымъ слогомъ, который не можетъ быть краснымъ, буде онъ притомъ неисправенъ. Чтожъ *сѣла* не согласится съ *предѣлы*; тому мы невиновны: мы токмо видимъ, что Авторъ не исправенъ въ языкѣ, и знаемъ, что для Риѣмы не должно портить языка. *Пронзитъ послѣдніе предѣлы*, значитъ, *пробостъ послѣдніе предѣлы*. Но что то за разумъ? Мы ужé видѣли, что сей глаголъ у Автора употребленъ не самъ за себя, но за *проникать*: а что онъ *пронзатъ* кладетъ, то видно, что онъ глагола *проникать* не знаетъ. Да и какъ ему знать? нашихъ книгъ не читаетъ онъ много, а можетъ быть и не хочетъ. Въ послѣднемъ стихѣ положено, *къ престолу Божьему* за *къ престолу Божіему*, по сáмой большой, и по площадной вольности. Что больше? у Автора и сельское употребленіе, есть пра-

вильное и красное: его жерновы, по присловію, толь добры, что все мелютъ.

17.

О Боже, восхотѣвъ прославить
Императрицу ради насъ,
Вселенну рушить и восставить,
Тебѣ въ одинъ удобной часъ,
Тебѣ судьбы суть всѣ подвластны,
Внемли вопящихъ вопль согласный,
Перемѣни днесь естество,
Умножь сей Дѣвицы лѣты,
Яви во двяхъ Елисаветы,
Колико можетъ Божество.

Въ первомъ стихѣ сея строфы поставлено дѣепричастіе *восхотѣвъ*, вмѣсто причастія *восхотѣвый*, или *восхотѣвшій* неправо, какъ то всѣмъ знающимъ чувствительно. Въ четвертомъ стихѣ прилагательное имя положено за надглаголіе, то есть *удобной* за *удобно*, толь странно, что нарочитая могабъ быть причина подумать, что то ошибка типографская, ежелибъ самъ Авторъ нашъ былъ исправенъ въ языкѣ. Въ шестомъ стихѣ *вопящихъ вопль* никакія красоты не имѣеть, и еще повтореніемъ симъ чувствительную досаду дѣлаетъ слуху, толь наипаче, что вмѣсто *воплъ*, можно было поставить Автору *гласъ*: да и *вопящихъ* вмѣсто *вопящихъ* есть весьма неисправно. Въ седьмомъ стихѣ Авторъ желаетъ, чтобъ естество было отъ Бога перемѣнено. Великаго, нерассуднаго и отнюдъ невозможнаго онъ просить! Богъ, премудростію своею предусмотрѣлъ, благостію предизбралъ, а всемогуществомъ произвелъ самый презрядный, и самый превеликій міръ. И такъ, желать, чтобъ самое изрядное, и самое великое было перемѣнено, то желать, чтобъ оно хуже и меньше было. Ежелибъ онъ желалъ, чтобъ перемѣненъ былъ чинъ нѣкотораго частнаго движенія въ естествѣ, какъ то, чтобъ солнце назадъ уступило, или въ передъ бы подалось, говоря по виду; тобъ сіе согласно было съ премудростію, благостію, и всемогуществомъ Божиимъ. Осмый стихъ есть не стихъ, но токмо строчка: ибо онъ надлежащія своя мѣры не имѣеть, а именно, недостаетъ въ немъ одного склада. Того ради, надлежитъ ему быть слѣдующему:

Умножи сей Дѣвицы лѣты,
или правѣ
Умножь сея Дѣвицы лѣты.

Лѣты положены какъ *сель*, за *мѣта*, всеконечно противъ Грамма-

тического рода, и противъ искусныхъ людей употребленія: о семъ ужé я предложилъ выше. Впрочемъ, кажется что Авторъ сіе нарочно дѣлаетъ, подражая такому употребленію, которое ввели, и нынѣ вводятъ, такіи люди, кои никогда и не слыхивали, что есть въ Грамматикѣ три рода, а именно мужескій, женскій, и средній. Но что за въ бездну свергся Авторъ изъ-подъ небесъ? Ибо девятый его стихъ, въ соединеніи съ десятымъ, имѣетъ явную противность закону. Изображаетъ ими Авторъ сію свою мысль:

Яви во дняхъ Елисаветы,
Колико можетъ Божество.

О! Неправовѣрія всѣмъ довольно смыслящимъ явнаго, но одному токмо Автору нечувствительнаго! Кто проситъ Бога, чтобъ онъ явилъ въ нынѣшніи дни, колико есть всемошно его Божество; тотъ разумѣетъ, что Богъ ни прежде сихъ дней, ни отъ вѣка, ни понынѣ, словомъ, что онъ никогда еще не являлъ ни чемъ, и ни въ чемъ Божественнаго своего всемогущества. Вотъ, Государь мой, до чего доводитъ необученое мудрованіе! Я васъ увѣряю твердо, что другаго разума симъ его двумъ стихамъ отнюдь дать невозможно, какъ бы кто сіе, благопріятствуя Автору, ни хотѣлъ толковать; да еще и толковать сего инако никакъ невозможно. Однако, я совершенно вѣдаю, что смыслъ Авторовъ нечествовалъ не съ умысла, но отъ незнанія: того ради, дадимъ симъ его стихамъ православный разумъ, и напишемъ, вмѣсто

Яви во дняхъ Елисаветы,
Колико можетъ Божество.

такимъ образомъ:

Являй и въ дни Елисаветы,
Колико можетъ Божество.

или такъ не хужежъ,

Являй и въ дни Елисаветы
Что Ты всемошно Божество.

Видѣли мы, Государь мой, что сія Авторова ода порочна сочиненіемъ, пуста разумомъ, темна и обоюдна составомъ словъ, ниска безразборными рѣчами, ложна повѣствованіемъ бывшихъ дѣлъ, непорядочна, наполнена безъ нужды повтореніемъ тѣхъ же самыхъ словъ, неисправна въ мѣрѣ стиховъ, безрассудна въ употребленіи баснословія, напоследокъ, а сіе всего прочаго хуже, отчасти и неправовѣрна. Но посмотримъ, есть ли еще во всей въ ней какая твердость и дѣльность: то есть, коль вымышленно и искусно Авторъ воспѣваетъ Самодержицу нашу: и всѣль, или одну кою изъ преславныхъ ея добродѣтелей прославляетъ: такъ же и все то произ-

водитъ онъ какимъ порядкомъ. Сіе мы тотчасъ увидимъ, когда сея Оды представлю я планъ, по которому и объявятся Авторovy мысли, и изобрѣтеніе: ибо все сіе въ Одѣ велерѣчіемъ прикрито. И такъ, вотъ ея все нагое содержаніе:

Полно намъ воевать, мы уже покой имѣемъ; да и вы сосѣди покойтесь, и надѣйтесь на сію руку, которая всѣхъ непріятелей, сколькоть ихъ нѣ-было, преодолѣтъ. Но чего ради я толь дерзокъ, что Елисавету хочу прославлять: она и безъ меня несравненно прославлена. О Тебѣ вся Твоя пространнѣйшая Россія и держава радуется: Ты намъ Петра Великаго оживила. По немъ, какъ онъ скончался, плакалъ Санктпетербургъ, и самый Океанъ: и сколько войны ни укаряли смерть, и ни ярились на нея; однакожь Петра Великаго не возвратили, и его уже нѣтъ въ живыхъ. Но Ты намъ тишину, спокойствіе, и благополучіе принесла. Я вижу теперь въ древности пружестокіе брани: воюеть Александръ противъ Индіи; Киръ идетъ на Вавилонъ; Греція отъискиваетъ Елену; Помпей отъ Іулія бѣжитъ, а Іулій покаряетъ свѣтъ и Римъ. Но во всемъ томъ, что народы встають на народы, и что Агамемнонъ проливаетъ кровь дочери своя, какая слава? сладость въ томъ, что мы всѣ Елисаветѣ подвласны, и что она толь насъ любитъ, что хранитъ нашу жизнь, и щадитъ нашу кровь. Нѣ-было еще зари, какъ Боговѣнчаемую Самодержицу встрѣтила Россія; когда та полсвѣта себѣ покорила. Вотъ же и море почувствовало, что Петръ Великій паки имъ владѣеть: пошелъ онъ по немъ, и утратилъ всю пучину. Ты къ намъ правосудіе ввела, и милосердіемъ всѣхъ объемлешь; Ты тишину подала, и бурю разогнала. Хвала Твоя такъ высока, какъ кедръ: громъ Твой колеблетъ небо, и молнія воздухъ раздираетъ: словомъ, вѣтры, моря, горы, и лѣса Твои, и Тебѣ послушны. Ты насъ обрадовала, и всѣмъ нашимъ желаніямъ конецъ подала исполненіемъ. О! Боже, перемѣни естество, умножь сея Дѣвы лѣта, и нынѣ при ней яви, колико можетъ Твоя сила.

Вотъ, Государь мой, все содержаніе сея Оды, которое не токмо отъ меня не обессилено, но еще и украшено. Прошуъ сказать по справедливости, можноть прямо видѣть, какое есть Авторovo намѣреніе, и что онъ прославляетъ? Началъ онъ миромъ, грозитъ паки войною, увѣряетъ что онъ не способенъ хвалить Самодержицу, описываетъ всея Россіи пространство и радость, крушится о смерти Петра Великаго, радуется о добрѣ дарованномъ

Россіи Монархинею, негодуеть, что въ свѣтѣ великіе вѣны бывають, поздравляетъ намъ и себѣ, что мы Елисаветины, ликуеть что въ темнотѣ еще ночью Россія покорившую полсвѣта Владычицу встрѣчаетъ, оживляетъ Петра, и плавающего въ морѣ, такъ же и завладѣвшаго онымъ вводитъ, хвалитъ паки Самодержицу, что она правосудна и милостива, что хвала ея велика, и что она сама сильна и страшна: напоследокъ, проситъ Бога объ умноженіи ей лѣтъ. Чтожъ все сіе, Государь мой? Радуетсяль онъ особливо, что Самодержица наша воспріяла прародительскій престолъ? Веселитсяль, что мы спокойствіе получили, а индѣ вездѣ бывшіежъ брани оплакиваетъ? Плачетъ ли онъ, что мы Петра Великаго лишены? Или торжествуетъ, что въ особѣ Самодержицы нашей всякихъ благъ мы сподоблены? и что по великимъ ея добродѣтелямъ, и хвала еяжъ велика? Всего того много, и все оно достойное: но какая единственно цель есть Авторова? Словъ довольно; но всѣ сіи слова какъ прозки на шнуръ безъ разбора положены: нѣтъ связи, нѣтъ соединенія, нѣтъ расположенія, нѣтъ порядка; одно токмо что было нѣчто сочиняемо, и сочиняемо такъ, какъ попало. И хотяжъ Оды свойство есть такое, по мнѣнію Авторова, что она *взлетаетъ къ небесамъ, и свергается во адъ, мчась въ быстроту во всю края вселенны, врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны*; однако сіе не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стѣроны, какъ угорѣлой кошкѣ, но чтобъ ей по одной какой линіи, по прямой, или круглой, или улитковой взлетать къ небесамъ, и спускаться въ долъ; то есть, беспорядокъ ея долженствуетъ быть порядоченъ и соединенъ, и нестись чрезъ всѣ гѣры и доли, выше, какъ говорятъ, дѣрева стоячаго, и облака ходячаго, къ одному токмо главнѣйшему дѣлу. Инако, Ода будетъ не Ода, но смѣха и презрѣніа достойный Сумбуръ. Сей у того не можетъ не случиться, кто токмо одни надутыи пузыри пускаетъ, и хватаетъ ртомъ облака. Я заключаю о сей Авторовой Одѣ, и то по сѣмой искренности, и по правому моему разумѣнію, что она, не касаясь впрочемъ ко всеблагословенному въ ней имени Божію, и ко всеавгустѣйшему Монархину, изъ негодныхъ негоднѣйшая: ибо, какъ самъ Авторъ говоритъ въ Эпистолѣ о Рускомъ языкѣ.

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтобъ свой слогъ исправно предлагать,
Чтобъ мнѣніе Творца воображалось ясно,
И рѣчи бы текли свободно и согласно.

Я при томъ долженствую васъ, Государь мой, увѣдомить о моей прошибочкѣ: ибо сія Ода есть не вторая по порядку у Автора, но

первая, для того, что она сочинена и напечатана 1743 года; а которую я рассматривалъ прежде, та 1744 года. Но хотя я въ семь и погрѣшилъ; однако мой погрѣшность весьма порядочнѣе Авторвы сея Оды: ибо я рассматривалъ въ первомъ мѣстѣ ту Оду, коя прославляетъ Бога, а во второмъ, о Самодержицыныхъ похвалахъ. Надѣюсь, что за мой Анахронизмъ, для приличнаго Божимъ и Самодержицынымъ хваламъ мѣста, можете вы меня способно простить, и толь наипаче, что отъ сего перемѣшанія временъ не можетъ ничего послѣдовать вредительнаго.

Я обѣщался вамъ, Государь мой, рассматривать послѣ Оды Трагедіи нашего Автора, и по нихъ такъ же Эпистолы; но теперь признаваюсь, что я вамъ не здержу даннаго слѣва. Прошу, чтобъ вы благоволили быть довольны симъ токмо моимъ Оды его рассматрѣніемъ, и по сему полагать, а полагать достовѣрно, что все прочее Авторово сочиненіе есть равно такіяжъ исправности. Къ неустойкѣ меня привела не лѣность, но всеконечная невозможность чтобъ далѣе продолжать рассужденіе: Господинъ Авторъ такой нашелъ способъ, что, чтобъ смыслящій ни принялся за его Трагедіи, всякъ тотчасъ увидитъ, что нѣльзя къ нимъ пристать. Нѣтъ въ нихъ ничего, или ужé превесьма мало того, чтобъ порочно нѣ-было. Ежелибъ Авторъ такова былъ состоянія, чтобъ онъ, по сочиненіи ихъ, могъ попросить искусныхъ своихъ пріятелей, дабы они неисправныя въ нихъ мѣста, читая у себя на единѣ, означили прилѣпленнымъ вощечкомъ; тобъ всеконечно надобно было, растопивъ воску въ сосудѣ, опустить ихъ обѣ въ воскъ, итѣмъ всѣ ихъ залѣпить для изъявленія, что все въ нихъ неисправно. Въ прочихъ народахъ рассматриватели красивыхъ сочиненій щасливы, для того что у ихъ Авторовъ всегда несравненно больше хорошаго, нежели недостаточнаго: но я слѣдователь толь не благополученъ въ моемъ предпріятіи, что необходимо надобно все на-все худымъ огласить, и чрезъ то податъ неповинно причину къ подозрѣнію на себя, что я то дѣлаю по нѣкоторому пристрастію. Однако, я клянусь совѣстію моею, что я утверждаю объ Авторовой всеконечной неисправности, по правому и беспристрастному моему разумѣнію. Когдабъ больше было сіянія, нежели мрака въ его стихахъ; тобъ малое не могло затмить премногаго, и досадить зрителю, какъ то Гораций говорить. Но въ Авторомъ сочиненіи весьма больше тьмы, нежели свѣта, который впрочемъ такъ слабъ, что его почитай невидно. Я не желаю, чтобъ вамъ просто моимъ словамъ вѣрить: я вамъ непреодолимо изъ премногаго докажу самымъ малымъ, что все то сущая правда.

Извѣсно мнѣ, что вы имѣете въ вашей Библіотекѣ Трагедію Хорева: прошужь по внятнѣе ея благоволить читать. Прежде всего вы изволите усмотрѣть, что премногое множество Іамбическихкихъ его Гексаметровъ въ составѣ своемъ порочныхъ, тѣмъ что пресѣченія не означаютъ они Іамбомъ; а означать онымъ въ Іамбическихкихъ Гексаметрахъ необходимо надобно; имъ вопервыхъ сама природа дала сіе совершенство, для того что Іамбическій Гексаметръ состоитъ изъ двухъ Триметровъ, а первѣйшая мѣра, по которой полное число стопъ опредѣленныхъ въ стихъ познавается безъ прибавки и убавки одного слога, всякому Іамбическому стиху есть мужескій стихъ, такъ какъ Хорическому женскій: ибо перваго стиха стопá кончится долгимъ слогомъ, а втораго краткимъ; сіе знающему очень ясно. Слѣдовательно, разбивъ Гексаметръ Іамбическій мужескій на два Триметра, въ обоихъ на концѣ непремѣнно надлежитъ быть Іамбу: Правда сія сама собою мечется въ глаза, такъ что хотябъ ей и не искать причины. Второе, первыи сихъ Іамбическихкихъ стиховъ изобрѣтатели всегда пресѣченіе считаютъ Іамбомъ на своемъ языкѣ. Должно знать, Государь мой, что Іамбическій стихъ Гексаметръ есть стихъ особливо Нѣмецкаго стихотворенія, равно какъ и всѣ прочіи Іамбическіи стихи: къ намъ они введены съ образца стихотворенія употребляемаго помянутымъ народомъ. Того ради, изъ премногихъ Авторovýchъ Гексаметровъ, находящихся въ Хоревѣ, въ Гамлетѣ, и въ Эпистолахъ, и не имѣющихъ въ пресѣченіи Іамба, на примѣръ изъ Хорева сіи,

Отецъ Твой воинствомъ / весь городъ окружаетъ,

Щедрота позная / разгнѣванныхъ небесъ,

Смѣшенна съ казнію / и лютою напастью

Хотя и нѣкую / часть вольности имѣю,

и всѣ прочіи, сколько ихъ ни обрѣтается, порочны по составу своему. Я уповаю, что сего Господинъ Авторъ не чаялъ, чтобъ кто могъ сіе стихамъ его въ порокъ поставить; но онъ изволилъ какъ въ сложеніи такъова своего Гексаметра обмануться, такъ, если и думалъ, что то не порокъ, и что въ порокъ не будетъ поставлено, то онъ помышлялъ несправедливо, для того что сей порокъ очень есть великъ, и чистому сложенію стиховъ весьма вредителенъ. Отъ Автора часто многіи слышали какъ онъ говаривалъ о себѣ, что то онъ подлинно отецъ Россійскаго стихотворства: однако, невозможно его отнюдъ назвать и вотчимомъ: ибо какъ количество Россійскихъ стиховъ, а сіе есть сáмосъ въ нихъ основаніе, и по оному Хорическій первый стихъ на нашемъ языкѣ, такъ и Іамбическій по тому же введенному ужé Тоническому количеству, есть не его:

для того что прежде правильныи стихи начали быть употребляемы, нежели еще онъ зналъ, что Хорей, и что Іамбъ. Не онъ же ввелъ и сочетаніе стиховъ: съ самаго еще начала новаго нашего стихотворенія объ немъ было уже упомянуто, званіе ему дано, и въ пѣсенкахъ дѣйствительно употреблено; а въ важное сочиненіе ввелъ его первый, и расплодилъ Іамбическихъ Одъ сочинитель. Чтожь осталось, чемубъ былъ нашъ Авторъ отцомъ въ нашемъ стиховъ составленіи? Есть онъ, но пасынкомъ нашего стихотворенія: ибо оно у него и составомъ, и сочиненіемъ, и гладкостію не родное: гдѣ гдѣ выскочить хорошій стпхъ въ его сочиненіяхъ.

Посмотримъ же теперь Трагическую и Эпистолярную его рѣчь. Но какую я въ ней вижу неравность? Вижу совокупно высокость и нискость, свѣтлость и темноту, надменіе и трусость, малое нѣчто приличное, а премногое непристойное; вижу точный хаосъ: всежь то не основано у него на Грамматикѣ, и на сочиненіи нашихъ исправныхъ книгъ, но на площадномъ употребленіи. Впервыхъ, худо онъ умѣетъ слова выбирать: ибо пишетъ въ Трагедіяхъ опять за паки, этотъ за сей, эта за сія, это за сіе. Не исправно кончитъ средняго рода имена во множественномъ числѣ, какъ то озѣры за озѣра, достоинства за достоинства, воздыханіи за воздыханія, братіевъ за братій, подозрѣнїевъ за подозрѣнїи, правилы за правила, правы за права, слѣдствїевъ за слѣдствїи, блаты за блата, желѣзы за желѣза, дѣйствїи за дѣйствїа, нещастїевъ за нещастїи, посольствы за посольства, отсутствїевъ за отсутствїи. Всѣ подобныя окончанія въ именахъ пишутъ такіи писатели, кои не тцатся о Грамматической исправности; но Автору нашему, какъ краснаго слога писателю, должно тцаться о всей красотѣ языка. Не чувствуетъ онъ при разборѣ словъ оныхъ, кои худо въ важное сочиненіе полагаются, для того что гнусное нѣчто по употребленію означаютъ, и соединяютъ, какъ то *блудя*, вмѣсто *заблуждая*, *какоебъ*, вмѣсто *какое*, а (*бъ*) или (*бы*) можно относить къ инымъ частямъ слова: то *тронуть* его, вмѣсто *привестъ въ жалость*, за Французское *toucher*, толь странно и смѣшно, что невозможно словомъ изобразить. Вы можете тотчасъ почувствовать неблагопристойность сего слова на нашемъ языкѣ изъ околнчности. Въ Трагедїи Гамтетѣ, говорить у Автора женщина именемъ Гертруда, въ дѣйств. 11. въ явл. 2. что она

И на супружню смерть не тронута взпрага.

Кто изъ нашихъ не приметъ сего стиха въ слѣдующемъ разумѣ, именножь, что у Гертруды супругъ скончался не познавъ ея ни-

когда, врассужденіи брачнаго права, и супруговы должности? Однако Авторъ мыслилъ не то: ему хотѣлось изобразить, что она немало не печалилась объ его смерти. Того ради надлежало-было ему написать такъ сей стихъ:

И на супружню смерть безъ жалости взирала.

При томъ, вводитъ нашъ Авторъ въ свои сочиненія неупотребительныя слова, какъ то въ послѣдокъ, за напоследокъ, не временно, за не навремя, мгновенно, за во мгновени, отколѣ въ Гамлетѣ за откуда, надвела, за навела въ Хоревѣ, бремяило, за отягощало, сугублю за усугубляю, мѣчтуйся за мечтайся, жесточе за жесточае, или жесточайше, изъ нова за изъ новаго, или просто новаго; умѣряй, умѣряючи, не знаю за что полагаетъ. Многіе онъ рѣчи составляетъ подлымъ употребленіемъ, какъ то, паденье за паденіе, отмщенье за отмщеніе, желанье за желаніе, воспоминанье за воспоминаніе; такъ оружье, сомнѣнье, повягье, безумье, Офелю, Полонья, за Офелію, Полонія, и прочіе премногіе. Настояція дѣепричастія за прошедшія пишеть по площадному, какъ то, *прежня* вмѣсто *прежнѣвъ* и *прежнѣвши*, *увидя* за *увидѣвши*, *усладясь* за *усладившись*, *утомя* за *утомивши*, и прочія. Многіе Метафоры употребляетъ несвойственные, какъ то *низвержуться въ пламени*, *таинство пронзить*, *ярость внемлешь*, *быть милу сурово*; и при томъ многіежъ вводитъ такъ называемыи Катахризисы, какъ то, *въ народѣ смерть метать, кидать въ вѣтры знамена*: ибо все сіе такѡва рода, какъ у Горація, бѣжать рысью и вскачь на долгой палкѣ. Мило очень нашему Автору непостоянное употребленіе словъ, какъ то *индѣ ево*, а *индѣ на него*, *индѣ ея*, а *индѣ ее*; *индѣ свѣтъ*, какъ то *пребудь надъ врадомъ свѣтъ! о свѣтъ останься здѣсь!* а *индѣ свѣтъ*, какъ то, *свѣта край*, и во многихъ еще мѣстахъ. Сюдажъ принадлежитъ и разнovidное сочиненіе, какъ то *индѣ не то меня лститъ*, а *индѣ не внемъ мнѣ лститъ*. Сколькожъ у Автора Солецисмовъ, то есть, ложныхъ сочиненій, и составовъ словамъ; того и счесть почитай невозможно. Но малое изъ едва объятаго вамъ здѣсь предлагаю. Пишетъ онъ, скажите за скажете, услышлось за услышалось, увидючи за увидячи, слышилъ за слышалъ, оставшей за оставшейся, не принуждай мнѣ то себѣ сказать, за непринуждай меня, скиптръ свой во зло вмѣняешь, за скиптръ твой, мнѣ вѣрности давно ихъ внутренну явятъ, за мнѣ вѣрности давно внутренность свою являютъ, пустите убѣжать мнѣ васъ умерети нынѣ, за пустите, чтобъ я побѣжалъ отъ васъ умереть теперъ,

пусть кровію моею напьется вранъ въ лѣсахъ, за пусть крови моя напьется, Велькаромъ освобожденъ нечаянно темницы, за Велькаромъ освобожденъ нечаянно изъ темницы, отъ третьей онъ стрѣлы падушъ не могъ встать болѣ, за отъ третьей онъ стрѣлы упавши, бѣгутъ безъ памяти падутъ съ коньми съ горъ въ воды, за бѣгутъ безъ памяти, падаютъ; имѣть мужество на мѣсто своево, за имѣть мужество вмѣсто своего, скрыться грозныхъ тучъ, за отъ грозныхъ тучъ, съ юности моей, за отъ юности моея, итти изъ градскихъ стѣнъ, за сходить съ градскихъ стѣнъ, или, итти изъ-за градскихъ стѣнъ, сѣтуешь въ смятеніи своемъ, за сѣтуешь въ смятеніи твоємъ, виню часть вѣка своево, за виню часть вѣка моего, какой ты помощи, Княжна, желаешь мной, за какія ты помощи, Княжна, желаешь отъ меня, слабости свои могла я побѣждати, за слабости мои, взыти въ Царскій одръ, за взыти на Царскій одръ, на чью онъ жизнь алкалъ; но на жизнь алкать, сочинено весьма странно: ибо глаголь *алчу* есть самостоятельный, и не править никакимъ падежемъ, то есть, говорится просто *алчу*. Пусть прочтетъ Авторъ посланія Святаго Апостола Павла, то и увидитъ во многихъ мѣстахъ мою правду, а свою превеликую погрѣшность. Увидитъ онъ, что есть тамъ: аще алчетъ врагъ твой, до нынѣшняго часа и алчемъ, и овъ алчетъ, аще кто алчетъ, навыхономъ и насыщатися и алкати, не взалчутъ ктому. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ глаголь *алчу* стойтъ самостоятельно, какъ то называютъ наши Грамматисты. На послѣдокъ, есть въ Гамлетѣ у Автора и *молящая тебѣ* за *молящая тебѣ*. Знаю, что Авторъ сей Солецисмъ исправилъ на листочкѣ между погрѣшностями. Но достовѣрно знаюжъ, что сіи погрѣшности не Типографскіе, но природно Авторовы: ибо я самъ моими глазами видѣлъ, что въ рукописномъ подлинникѣ писанномъ Авторвою рукою стояло *молящая тебѣ*; въ послѣднемъ печатномъ листѣ исправленномъ Авторвою рукою, и подписанномъ къ печати, было *молящая тебѣ*; знаю и сіе, что по напечатаніи Авторъ взялъ къ себѣ книжки съ *молящая тебѣ*: но послѣ, какъ ужé сказано было отъ добраго человѣка нѣкоторому изъ его пріятелей, что Гамлетъ напечатанъ съ *молящая тебѣ*, и съ *поборникъ* вмѣсто *противникъ*, о чемъ нѣже; а сей его пріятель ему самому сказалъ, что то знатное очень погрѣшеніе: то тогда ужé нашъ Авторъ узналъ, что онъ грубо ошибся, да и гдѣ не такъ? и для того просилъ, чтобъ листочикъ напечатанъ былъ съ погрѣшностями ис-

правленными. Однако не дерзнулъ онъ на томъ листочкѣ написать такъ: *Типографскіе погрѣшности*; но поставилъ просто, *погрѣшности*, для того что онѣ не Типографскіе, но его собственные.

Вотъ же вамъ теперь, Государь мой, не правопись, но кривопись Авторова, какъ то, *времянъ за времянъ, сонце за солнце, сердце за сердце, преждній за преждній, горячностъ за горячестъ, куда за куда, туды за туда, таво каво, за того кою, грамота за грамата, окроровленномъ, за окроравленномъ, светъ, во светъ семъ, не свету, за свѣтъ, во свѣтъ семъ, не свѣту, клянусь, клянну, за кленусь, клену, растоватъся, за раставатъся, со всемъ, за совсемъ, притчиною за причиною, ибо отъ глагола чиню, и предлога при, касу за косу, сетуй за стуй, приемль за приемлю, для того что во всѣ наши Ортографіи принято, чтобъ предъ гласными писать (i) а не (и). Но миѣ вѣроятно кажется, что къ сей кривописи далъ причину подобія Автору Волтеръ: ибо сей первый изъ Французовъ началъ писать, français, anglais, вмѣсто françois, anglois, хотя впрочемъ Волтеръ Трагикъ великое имѣетъ основаніе такъ писать; но нашъ Авторъ такъ же Трагикъ, только что не хочетъ видѣть переменны въ ономъ предлогѣ, когда онъ и при сложении, буттобъ литера (i) принятая въ сіи мѣста не тогожь была у насъ звона, что (и). Но вся сія мѣлочъ на сторону: должно видѣть ложныя знаменованія, данныя отъ Автора словамъ, а сіе происходитъ отъ того, что Авторъ отнюдь не знаетъ кореннаго нашего языка Славенскаго. Пишетъ онъ *коль* производя отъ подлаго *коми*, за *когда* и *ежели*, весьма неправо и развращенно, какъ то въ слѣдующемъ его стихѣ:*

Не такъ, свирѣпая, *коль* толь твой вреденъ взглядъ.

Всякъ бы подумалъ по словамъ, что въ семъ стихѣ *коль* толь соответствующіе себѣ взаимно частицы, ежелибъ разумъ стиха допускалъ такъ думать, для того что тутъ *коль* взято за *когда*. Такъ же и сіе: *коль любишь, такъ скажи*. Всякъ подумаетъ, что разумъ тутъ сей, *коль много любишь, такъ и скажи*. Однако Авторъ разумѣетъ сіе: *когда любишь, то скажи*. И по сему, *коль* за *когда* полагается отъ Автора ложно, потому что *коль* значитъ *колько*. Пишетъ же Авторъ *отсель* за *отсюду*, не зная, для того что *отсель* значитъ *отнынѣ*. Пишетъ онъ *область* за *власть* ложножь, какъ то *какую область ты имѣешь надомною*, а говоритъ сіе Оснелда Хореву дѣйст. I. явл. 3. стран: 15. Пишетъ онъ и *довмютъ*, за *долженствуютъ*, какъ то *не изъ примѣры намъ во браняхъ быть довьютъ*: однако, слово *довмѣтъ*, значитъ *довольно есть*, а не *должно есть*. Но славное въ Гамлетѣ слово *поборникъ*, въ дѣйст. II. въ явл. I. выговоренное Клавдіемъ, сколько въ ложномъ знаменованіи употреблено,

столько и въ смѣшномъ, для того что сіе показываетъ, что или Авторъ мало бываетъ въ церквѣ на великихъ вечерняхъ, и на всенощныхъ бдѣніяхъ, или бываетъ да не тогда, когда первый гласъ поется: ибо иначе, тобъ Авторъ могъ услышать въ Богородичнѣ начинающемся *Всемирную славу*, что слово *поборникъ* значитъ не *противника*, но *защитника*, и *споспѣшника*. Слѣдовательно, Авторъ употребилъ сіе слово за *противника*, говоря,

Се Боже предъ Тобой сей мерскій человѣкъ,
Который срамотой одной наполнилъ вѣкъ,

Поборникъ истинны, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
крайно въ ложномъ знаменованіи. Впрочемъ, поправлено сіе слово у Автора на листочкѣ между погрѣшностями: однако, я васъ, Государь мой, удостоверяю по самой истинѣ о семъ его исправленіи тѣмъ же точно, что я вамъ донесъ прежде о *молящая тебѣ*, то есть, что Авторъ тогда ужé узналъ свое погрѣшеніе, когда ему о томъ сказано и доказано было; а самъ онъ сея смѣшныя погрѣшности отнюдь не чувствовалъ. Но какъ онъ и исправилъ? Вы думаете, что онъ прямо поставилъ вмѣсто *поборника* *противникъ*? Весьмабъ онъ сдѣлалъ правильно, ежелибъ поправилъ такимъ образомъ, для того что, *противникъ*, тожъ самое имѣетъ количество и удареніе складовъ, что и *поборникъ*. Но нашъ Авторъ поставилъ на листочкѣ *рушитель*, вмѣсто *поборникъ*, то есть, такое слово онъ поставилъ, которое у насъ не употребительно. Будебъ было *нарушитель* илибъ *разрушитель*; тобъ могло быть изрядно. Сіе то называется по Украински, поправиться съ печи на лавку. Съ другой стороны, въ той же Клавдіевой молитвѣ стишокъ сей къ Богу, *принудь меня, принудь прощенія просить*, мнѣ нѣсколько подозрителенъ; но я оставляю рассуждать о разумѣ православія его Богословствующимъ; они знаютъ, что содѣйствіе Божіе съ дѣйствами человѣческой воли не бываетъ никогда по принужденію, но токмо по предваренію, по наклоненію, и по возбужденію къ добру, и по удерживанію, и отвращенію отъ зла: иначе, погиблабъ наша свободная воля, кою мы всѣ внутри нашея совѣсти ощущаемъ. Къ словамъ употребленнымъ въ ложномъ же знаменованіи отъ Автора принадлежитъ и то, что въ Гамлетѣ въ 1. дѣйств. въ явл. 2. говоритъ Гертруда сыну своему, чтобъ онъ бѣжалъ отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они находились, ибо подъ ними, говоритъ она, *твердь трясется*. Но кто Славенскій нашъ языкъ знаетъ; тотъ совершенно вѣдаетъ, что чрезъ слово *твердь* разумѣется у насъ Греческое слово, *στέρεωμα*, и *ἔρεισμα*, Латинское *firmitamentum*, а Французское *firmament*, то есть небо: слѣдовательно, кто говоритъ, *подъ*

ними твердь трясется. Однако, Авторъ помнилъ, можетъ быть, что у насъ положено во Псалмѣ 103: *основаяй землю на тверди ея.* Того ради, вы скажете, можно было ему *твердь* положить за *землю*, и потому говорить право, *подъ ними твердь* трясется. Нѣтъ, Государь мой, не можно: ибо сіе, *основаяй землю на тверди ея*, по Гречески, съ чего наше переведено, такъ чтется: 'Ο Στελλῶν τὴν γῆν ἐπὶ ἀσφάλεια αὐτῆς, то есть, *основаяй землю на крѣпости, на непоколебимости, на неподвижности, на неиспроверженіи, на безопасномъ утвержденіи, на безвредномъ стоянн ея:* для того что Греческое, съ отрицательною частицею, слово *ΑΣΦΑΛΕΙΑ* сіи всѣ наши слова значить, понеже утвердительный глаголъ σφάλω, есть по нашему, *испровертаю*; и слѣдовательно въ нашемъ онаго Псалма переводѣ слово *твердь*, которое есть собственно *фирмаментъ*, то есть *небесная твердь*, взято не само за себя, и не въ точномъ его знаменованіи, но за *крѣпость, за утверждение, за столбы, за подпору, и за подставку:* словомъ, за *твердость*, или за *твердыню* основанія. Подтверждается сіежь самое и Французскимъ переводомъ, Автору разумительнѣйшимъ: тамъ стоить: *Il a fondé la terre sur ses bases;* то есть, *онъ основалъ землю на ея зрунтахъ*, а не положено *sur ses firmaments*, то есть, *на ея твердыхъ.* Изъ всего сего только можно въ пользу Автору заключить, чтобъ хотя онъ и не всеконечно въ ложномъ знаменованіи употребилъ слово *твердь*; однакожь оно у него всеконечно не родное, но, чтобъ такъ сказать, пріемышь, такъ что, безъ сего моего объ немъ изъясненія, никто изъ знающихъ основательно нашъ языкъ, не можетъ не принять онаго за *небо*, и за *твердь небесную* въ Авторовомъ сочиненіи. У Автора нашего въ Трагедіяхъ его и склоненіе именъ, въ составъ косвенныхъ ихъ падежей, есть новое и необыкновенное: пишетъ онъ часто *любви* за *любви*; да и сіе слѣдующее *заразовъ*, вмѣсто *заразъ*, *глазми* за *глазми*, томъ свидѣтельствуютъ. Чтожь до удареній; то премногое множество ихъ совершенно развращенныхъ: онъ ихъ натягиваетъ на Іамбы такъ, какъ Іамбу по мѣрѣ стиха быть нельзя. Такимъ образомъ у него напри- мѣръ неправо ударяется вреднѣйшій, за вреднѣйшій; освирѣпѣлъ, за освирѣпѣлъ; разрушилъ за разрушилъ; важнѣйше, за важнѣйше; изыдите за изыдите; кромѣ, за кромѣ; мечное за мечное; сіежь слово *противъ*, пишетъ онъ непостоянно протівъ и протівъ: но первое удареніе есть неправо. Не знаетъ Авторъ такъ же, когда и надглаголія надобно кончить на (*не*), и когда на (*не*), свидѣтель сему слово въ Хоревѣ *бесчиняе* за *бесчиннѣ*: ибо *не* въ семъ словѣ есть неударяемое, и потому должно ему быть на (*не*). Впрочемъ, что у него значить *накры*; того я не знаю, да не знаютъ

и многія, коихъ я о семъ знаменованіи спрашивалъ: по обстоятельству можно догадываться, что то бубны, однако толь сіе не по нашему, что можно сказать: *разъ по Чухомски*. Слово сіе употреблено въ Хоревѣ въ III. дѣйств. въ явл. 1, а говоритъ Кію Сталверхъ.

Зовущіе на смерть по *накрамъ* громки божь,
Являютъ каковы Россійскіе герои.

Но на что еще сіи слѣдующіи два гриба въ борщъ, говоря по Украински, *для ради*, вмѣсто одного *ради*, или одногожъ *для*? Какъ Ода, такъ и Трагедія не терпитъ площаднаго употребленія. Авторъ нашъ не почитаетъ же знать за порокъ, что онъ почитай непосредственно кончитъ свои стихи иногда однимъ звономъ Риемы. Есть у него въ одномъ мѣстѣ въ Хоревѣ женская Риема *помогати побѣждати*; а чрезъ два стиха мужескія Риемы, тогожъ звона *исполняти, утоляти*. Однако у добрыхъ стихотворцовъ едва сіе позволяется чрезъ десять стиховъ. Малъ еще сей порокъ для Автора: онъ и одинъ и тотъ же стихъ двѣма Риемами означаетъ, можетъ быть для показанія, что онъ умѣетъ изъ однокло Гексаметра два Триметра адѣлать. Стихъ сей есть слѣдующій:

Престань мнѣ въ томъ *память*, и престань *вздыхать*.

Подлинно, не весьма богата сія Риема; да и Авторово искусство не очень обильно: онъ Трагическую свою любовь и самъ называетъ шутками, говоря въ Оснелдиной персонѣ:

Какое слѣдствіе любовнымъ вижу *шуткамъ*.

Не споримъ, Трагическая любовь есть шутка; однако Трагическому Автору, какъ представляющему бутто важное дѣло, не надлежало ея называть шуткою: ибо подлинно любовь есть очень не шутка, да и зрители хотя знаютъ, что все то есть въ Трагедіи притворно, однако полагаютъ важною правдою. Но вотъ у Господина Автора и точное противословіе въ семъ слѣдующемъ стихѣ, который положенъ въ третіемъ Хорева дѣйствіи, во второмъ явленіи, а говоритъ его Астрада:

Противяся только въ томъ *поборно* естеству.

Какъ? Госпожа Астрада велитъ противиться не противно естеству! Но что сіе значить? Можетъ ли кто противиться естеству, и въ тожъ самое время быть ему безъ сопротивленія? Знать что Авторъ хотѣлъ сими подражать Августа Кесаря обыкновенному присловію *стѣйде врадѣс* [*festina lente*] то есть, *спыши не спыши*. Казалось бы, что Авторъ ваялъ слово *поборно* за *противно*, какъ то и Гамлетовъ у него *поборникъ* взять за *противникъ*. Но въ семъ знаменованіи, какой будетъ разумъ въ ономъ стихѣ? *противяся только въ томъ противно естеству*. Мать земля! Такъ ясно Авторъ

сочиняеть, что не возможно и разума пошлаго доискаться иногда въ его сочиненіи! Впрочемъ, сколькожъ весь сей Астрадавъ совѣтъ Оснелдѣ непороченъ въ рассужденіи чистоты нравовъ; о томъ донесу я вамъ, Государь мой, ниже. Какъ то ни есть; однако сходноль съ обстоятельствомъ, что Хоревъ во II. дѣйств. въ явл: 6, прося у Боговъ себѣ смерти говорить, чтобъ они *выняли изъ рукъ ея кровавый мечъ*, когда еще онъ не выходилъ противъ Завлоха на выласку, и зовущіе *по краямъ трожки Божіи* не являли еще тогда, каковы Герои Россійскіе. Чѣмъ же мечъ Хоровъ былъ при семъ случаѣ обогрѣнъ? Поистиннѣ Авторскими чернилами, и тѣми еще не орѣшковыми и безкамедными. Авторъ какъ въ Одахъ, такъ и въ Трагедіяхъ полагаетъ не стихи за стихи, сіе значить, что онъ полагаетъ иногда простые строчки съ превеликія торопливости, ибо въ Хоревѣ дѣйств. III, явл. I, стихъ сей,

Хотя смерть въ глазахъ ево, онъ зреть бесстрашнымъ окомъ,
 есть токмо строчка съ Риемою, а не стихъ: въ немъ цѣлый складъ
 есть лишній въ первомъ полстишии, и потому первое полстишіе,
 есть не полстишіе, но членъ Прозаическаго Періода. Чтобъ сему
 стиху быть стихомъ; то надобно ему быть слѣдующему:

Хоть смерть въ глазахъ ево, онъ зреть бесстрашнымъ окомъ.

Напоследокъ, за что ни примешся въ Авторскомъ сочиненіи въ рассужденіи словъ и изображеній, все то находишь такъ порочное, и неискусное, что нельзя того изобразить. Онъ никаква отнюдь не имѣетъ искусства въ употребленіи, и въ избраніи рѣчей. Свидѣтельствуеть въ Хоревѣ V. дѣйств. явл: 3. когда Кій просить, пришедъ въ крайнее изнеможеніе, чтобъ ему подано было *сѣдалмша*. О! рассужденіе слѣпаго мудрованія. Знаетъ Авторъ, что сіе слово есть Славенское, и употреблено въ Псалмахъ за стулъ: но не знаетъ, что Славенороссійскій языкъ, которымъ Авторъ все свое пишетъ, соединилъ съ симъ словомъ нынѣ гнусную идею, а именно то, что въ писаніи названо у насъ *афедрономъ*. Слѣдовательно, чего Кій просить, чтобъ ему подано было, то пускай самъ Кій, какъ Трагическая персона введенная отъ Автора, обоняетъ. Такое точно во всемъ Авторово искусство!

Не могу удержаться, чтобъ вамъ, Государь мой, не предложить теперь непреодолимаго доказательства въ томъ, что Авторово знаніе такъ мало, что меньше нельзя. Предъ самымъ представленіемъ Комедіишки, которою Авторъ толь малую славу дѣлаеть нашему преславному народу, дѣйствующія лица одѣвались, и готовились къ представленію. Я тогда случился быть между ширмами. Но вотъ и вамъ Авторъ вдругъ изволилъ тудажъ къ одѣвающимся притти,

съ очей и со всего лица въ крайнемъ удовольствіи сѣрдца. Едва онъ успѣлъ поклониться, съ кѣмъ надлежало, какъ оборотившись къ нѣкоторому изъ возлюбленнѣйшихъ своихъ наперсниковъ, заговорилъ: знаетель вы что? тотъ то и тотъ, именуя лице, называетъ того то и того, именуяжъ человѣка, Архилашемъ Архилохичемъ Суффеновымъ. Видитель, какой онъ глупинькой: не знаетъ, что у Грековъ нѣтъ *ичовъ* такъ, какъ на нашемъ языкѣ. Тогда возлюбленникъ его, равно какъ Теренціевъ лизоблюдь Гнатонъ, начали смѣяться животы надрывая; а ему въ томъ помогъ и самъ Авторъ. Я слыша сей Авторовъ разговоръ, и видя безумный смѣхъ онаго его возлюбленника, только лишь пожалъ плечами. Рассуждалъ я, что поистиннѣй симъ точно и подобнымъ образомъ разглашаетъ о себѣ Авторъ предъ незнающими, что онъ человѣкъ съ неба звѣзды хватаетъ искусствомъ своимъ. И какъ же не такъ? Кто изъ незнающихъ Греческаго языка не повѣритъ, что то Авторова правда, какъ человѣка во мнѣніи многихъ знающаго, по при словію, всю Ямскую по столбамъ врассужденіи наукъ до древняго и новаго краснорѣчія касающихся? Однако, вамъ, Государь мой, я отдаю на рассужденіе, кому больше пристойно имя *мунинькова*, томуль, кто Греческое имя здѣлалъ съ Рускимъ *ичомъ*, или тому, который не знаетъ, что у Грековъ есть въ отечествахъ свой равномѣрный нашъ *ичъ*, а утверждалъ дерзновенно такомужъ знатоку, что того нѣтъ на Греческомъ языкѣ? Есть у Грековъ имена называемыя *Патронимика*, а по нашему *отчеименными* переведены они въ Грамматикѣ, изъ которыхъ мужескія обще [не говоря объ Іоническихъ и Эолическихъ окончаніяхъ, такъ же и объ окончаніяхъ женскихъ] кончатся на *дисъ*, какъ то отъ *Пріамосъ* [Пріамъ] *Пріамидисъ* [Пріамовичъ]; отъ *Крѣносъ* [Сатурнъ], *Кронидисъ* [Кроновичъ]; отъ *Лаертисъ* [Лаертъ] *Лаертиидисъ* [Лаертовичъ]; отъ *Атрѣвъ* *Атрѣидисъ* [Атридовичъ]: такъ и отъ *Архилохосъ* *Архилохидисъ*, а сіе точно по нашему *Архилоховичъ*. Хотѣлъ бы я знать, что Авторъ нашъ разумѣетъ чрезъ прозваніе онаго Архилаша Архилохича, которое есть *Суффеновъ*, какъ то онъ самъ изволилъ сказывать возлюбленнику своему. Я присягну, что онъ всеконечно того не знаетъ. Суффенъ былъ нѣкто Пійтъ въ древнемъ Римѣ, по искусству своему ни къ чему годный, а по тщеславію безумный и всѣмъ несносный. Можетъ статья, что оный Архилашъ Архилохичъ Суффеновъ, буде онъ есть на свѣтѣ, и ежели притомъ Пійтъ и еще тщеславный, прозванъ Суффеновымъ и отъ того древняго Суффена.

Доносилъ ужé я вамъ, Государь мой, что нѣтъ почитай ничего

въ сочиненіяхъ Авторovýchъ, которое не-былобъ чужое. Теперь тожъ самое подтверждаю. Извительная его Комедія не его, да Голбергова, но токмо у Автора она на свой образецъ; Гамлетъ Шекеспировъ, Эпистола о Стихотворствѣ и по плану и по изображеніямъ, но токмо сокращена, вся Боало-Депрова, а сего Автора всяжъ Горациева, но токмо распространена. Чтожъ до сея Трагедіи Хорева; она вся на-все выбрана изъ многихъ Францусскихъ Трагедій какъ Корнелиевыхъ, такъ Расиновыхъ, и Волтеровыхъ, хотя впрочемъ все ея существенное основаніе есть Расинова Федра. Читающіи Францусскіи Трагедіи могутъ сами сіе сличить, и видѣть: мнѣ ежелибъ сіе дѣлать; тобъ мое рассматрѣніе въ пятеро увеличилось противъ Авторovýchъ сочиненій. Я токмо предложу одно здѣсь похищеніе изъ Волтеровой Трагедіи, названнаго Мерица. Праведное солнце! Какъ же оно изгажено Авторovýmъ переводомъ! Удивительно, учить Авторъ въ Эпистолѣ о Русскомъ языкѣ какъ переводить, а самъ ни шкиля, какъ говорятъ, не умѣеть. Не бесстыдноелъ то тщеславіе? Надобно поистиннѣ желѣзное имѣть чело. Впрочемъ, говорить тамъ Волтеръ:

Quand/on a tout perdu, quand/on n'a plus d'espoir,
La vie est un oprobre, la mort est un devoir.

Сіе значить по словамъ:

Когда все погибло, и когда больше никакія нѣтъ надежды; то жизнь ужé позоръ, а смерть должность.

Но у Автора нашего въ III. дѣйствіи въ 7. явленіи говоритъ сіе презрѣдное похищенное мѣсто Оснелда слѣдующимъ образомъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Жизнь, бремя и одна она покой даетъ.

Рассудимъ же, Государь мой, сперва не о томъ, какъ сему двустипшію надобно быть, но о семъ, что оно у Автора нашего значить. Волтеровъ разумъ въ сихъ двухъ стихахъ есть какъ превесъма исправенъ, такъ и безмѣрно великолѣпенъ. Но у нашего Автора въ немъ не имовѣрное никому, по самохвальству его, протувословіе. Говоритъ онъ, *жизнь бремя, и одна она покой даетъ*. Какъ? жизнь у Автора и тягосна, и совокупно онажъ спокойна! Стыдно, Государь мой, вчужѣ, когда видишь такое неискусство, а толь великое Авторо самохвальство. Я ужé не говорю, что запятой у Автора надлежало быть не по словѣ *жизнь*, но по слѣдѣ рѣчи *бремя*; доношу токмо, что его двустипшіе симъ образомъ моглобъ быть исправно, и означалобъ точно Волтеровъ разумъ:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,
Ужé бесчестна жизнь, оставить должно свѣтъ.

Но и по намѣренію нашего Автора, именножь, что онъ вмѣсто *бесчестія* положилъ при жизни *бремя*, надобножь лучше слѣдующему быть двустипію:

Когда погибло все, когда надежды нѣтъ,

Несносно бремя жизнь, а смерть покой отъ бѣдъ.

Изъ сего одного примѣра, можно всѣмъ выразумѣть объ Авторскомъ самомъ маломъ искусствѣ, и заключить, а сіе по самой чистой справедливости, равнымъ образомъ и о всѣхъ его взятыхъ мѣстахъ изъ чужихъ сочиненій. Еще мнѣ вспало на умъ нѣкоторое изъ Хорева мѣсто, которымъ Авторъ безмѣрно чванится, такъ что внесъ оное и въ Комедіишку свою недостойную, а именно:

Карать противниковъ, и налагати дани.

Признаваю, что разумъ сего стиха есть великолѣпный и гордъ. Но Авторовъ ли онъ? Сіе и во Французскомъ сочиненіи, изъ котораго нашъ Авторъ похитилъ, есть подражаніе *Виргиліеву* изъ *Энеиды* Кн. 6. стих: 352.

Parcere subiectis et debellare superbos.

Впрочемъ пускай не думаетъ Господинъ Авторъ, что я не знаю всѣхъ его похищенныхъ мѣстъ: я имъ при случаѣ всѣмъ роспись по Алфавиту могу здѣлать, а теперь довольствуюсь токмо легкимъ показаніемъ одного сего изъ *Вольтера*: сіежь для того, дабы вѣдали, что Авторъ не имѣетъ ни малаго довольства самъ въ себѣ. Съ другой стороны, увѣдомился я недавно, что Авторъ сочиняетъ, или сочинилъ трагедію *Эдипа*, въ которой токмо пять человѣкъ дѣйствующихъ лицъ. Но я напередъ васъ удостовѣрю, что сей Авторовъ *Эдипъ* будетъ точно *Софокловъ*, у котораго также пятеро [кромѣ *Хора*, котораго нынѣ къ намъ по подражанію Французскимъ Трагедіямъ, Авторъ не вводитъ же] дѣйствуютъ, а именно: *Эдипъ Царь Тебанскій*; *первенствующій жрецъ Юпитеровъ*; *Креонъ братъ Иокастинъ*; *Тирезій прорицатель*; *Иокаста, вдова остающаяся послѣ Лаія Царя Тебанскаго, а супруга Эдипова*. Сего *Софоклова Эдипа* Авторъ нашъ не возьметъ, или не-взялъ съ подлинника, для того что онъ по Гречески ни пула не знаетъ; но будетъ поживляться переводомъ или *Дациеровымъ*, или онымъ, кои здѣланъ *Иезуитомъ Брюмоа*. Не сомнѣваюсь притомъ, что Авторъ, для укрытія своихъ изъ *Софокла* похищеній, возьметъ нѣкоторыя мѣста изъ *Эдипа Петра Корнелія*; и уповательно, что въ Авторовомъ либо *Эдипѣ* будетъ токмо и четыре персоны, вмѣсто пяти, когда онъ оставитъ или *первенствующаго Юпитерова жреца*, или *прорицателя Тирезія*. Но какъ то ни есть, и ни будетъ; толькожь Авторовъ *Эдипъ* весь имѣетъ быть основанъ на *Софокловомъ*, толь наипаче, что *Иезуитъ*

Брюмою сію Софоклову трагедію весьма хвалятъ, а Корнелиеву довольно хулятъ, что до плана, хотя и хвалятъ же его изображенія.

Теперь, Государь мой, осталось разобрать Трагедію Хорева вообще и порознь врассужденіи характеровъ. По моему мнѣнію, а мнѣніе мое сходно будетъ съ Драматическими правилами, Трагедія сія неправо названа однимъ Хоревомъ: ей надлежало было дать имя, *Осмельда и Хоревъ*, когда ужé Автору необходимо стало надобно проименовать ея Хоревомъ. Вы изволите знать, что наименованіе всегда дѣлается Драматическимъ штукамъ отъ того лица, которое въ Драмѣ есть Героемъ, и коего больше есть дѣйствія въ ней. Но сами рассудите, меньше ли дѣйствія Осмельдина во всемъ Хоревѣ противъ дѣйствій самого Хорева? Ею началась Трагедія, ею продолжалась, ею завязалась, смертію ея и развязалась. Хоревъ только что ея любилъ, и потому несносно ему было съ нею разлучиться: чего ради и старался о всѣхъ способахъ чтобъ ея въ Кіевѣ удержать. А какъ узналъ, что она умерщвлена; то съ превеликія горести и самъ себя убилъ. Вотъ все его дѣйствіе; а прочее все сказывается Велькаромъ. Будежь для того положить его Героемъ Трагедіи, что онъ себя при самомъ концѣ, крушась по Осмельдѣ, предъ всѣми потребилъ; то въ такомъ случаѣ могъ себя потребить и Завлохъ по дочери, и Кій по невинномъ братѣ. И такъ можножь ея въ такомъ случаѣ назвать было или Кіемъ, или Завлохомъ: еще можножь ея было назвать и Сталверьхомъ, для того что зрителямъ въ самомъ же послѣднемъ явленіи представлено, что

Сталверьхъ скончалъ животь,

Низвергнись въ глубину Днепровыхъ быстрыхъ водъ.

И такъ, Государь мой, ежели не угодно, чтобъ ей быть токмо Осмельдою; то всеконечно надлежало ея назвать *Осмельдою и Хоревомъ*, а не Хоревомъ однимъ, и не Хоревомъ и Осмельдою.

Любовникъ сей Хоревъ, еще здѣлалъ и неблагопристойно, и противъ Театральныхъ правилъ, тѣмъ что онъ кровію своею *обрызгалъ предъ всеми театръ*. Можножь было ему уйти за ширмы, и тамъ убиться; а о смертѣ его всеконечно непреминулъ, выбѣжавъ запыхавшись, какойнибудь воинъ сказать, и еще распространить бы его неистовство пустымъ, и Автору обыкновеннымъ, веле рѣчіемъ, а чрезъ то такжебъ подать причину, закричать Кію *увы, и минуты прозны*, Завлоху *о Бои*, а Велькару *ахъ*, дабы тѣмъ окончить Трагедію. Не извольте, прошу, мнѣ говорить, что окровавляется сцена и во Французскихъ Трагедіяхъ, буттобъ не-было многихъ изъ Французскихъ Трагедій противъ правилъ: какъ *образецъ* къ вѣроятному представленію есть одна токмо *натура*; такъ и для

благопристойности есть всѣянная отъ природы нѣкоторая чистота, основанная на благоразумномъ *порядкѣ* и достохвальномъ *приличіи*, общимъ всему человѣческому роду. Но сей же нашъ любовникъ хотя былъ и въ превеликомъ неистовствѣ, какъ то онъ себя при окончаніи показывалъ, толькожъ по дѣлу видно, что онъ неистовился нарочно, даромъ что вправду убился: ибо неистовство не лишило его такъ совсѣмъ разума, чтобъ онъ не могъ себя показать добрымъ *Стихотворцомъ*, здѣлавъ, въ самой непонятной скорости, четыре презрядныя стиха въ надгробную надпись Оснельдѣ. Подлинно, сія непристойность превосходитъ ужé всѣ прочіе, сколько ихъ ни есть у Автора. Извольте рассудить сами по справедливости, вѣроятнѣе, чтобъ человѣку находящемуся въ самомъ остромъ болѣзнованіи, въ самомъ крайнемъ безпамятствіи, и при самой кончинѣ, имѣть можно было столько смысла чтобъ сочинить Эпитафій, и еще стихами? Сей то намъ нынѣ сладкогласный лебедокъ, который при смерти своей воспѣлъ толь жалобно! Да и встатилъ, чтобъ Князь, братъ Княжой, главный военачальникъ, храбрый Герой, и еще публично, здѣлалъ себя *Стихотворцомъ*? Приличіе поистиннѣ могло бы быть, ежелибъ онъ слезнымъ и ослабшимъ своимъ голосомъ спросилъ тогда, *итѣ ли идѣ блиско Пшита*, которомубъ сочинить на гробъ любезнѣйшія его Оснельды Эпитафій, а сіе почитать бы послѣднимъ его завѣщаніемъ, для того что онъ самъ хочетъ всеконечно жизни лишиться. *Крайняя юрестъ и печаль не умѣетъ говорить витѣзато*; сему и Авторъ нашъ не спорить въ Эпистолѣ о Стихотворствѣ. Чегожъ ради онъ далъ умирающему Хореву толь кудрявыя рѣчи въ сочиненіи Эпитафія? Можно заключить, что не Хоревъ былъ въ безпамятствіи, но самъ Господинъ Авторъ.

Мнѣ весьма удивительно, что и сама Оснельда въ первомъ дѣйстви, въ явленіи первомъ, толь есть нерассудна, что поистиннѣ нѣльзя не дивиться и не смѣяться Автору вымыслу. Когда Астрада постигла, что Оснельда очень любитъ Хорева; тогда сія Оснельда признавшись ей въ томъ сими словами:

Но ахъ! вошло мнѣ въ грудь сіе змеино [змѣино] жало.

Началá ей премногими рѣчами то самое расказывать, что Астрада сама ей сказывала, а именно, какъ смерть народы пожирала, какъ въ одну минуту пала слава многихъ лѣтъ, какъ Кій одержалъ побѣду, какъ отецъ ея ушелъ въ степь, какъ онъ чрезъ озера и чрезъ рѣчки переплывалъ на лошади, какъ по степямъ, по лѣсамъ, по горамъ, и по доламъ [диво что и не по подземнымъ пещерамъ] блудилъ, то есть, *заблуждалъ*, какъ мать ея, лишившись всѣхъ сво-

ихъ дѣтей, и съ мужемъ своимъ, отцомъ Оснельдинымъ, разлучилась, и какъ она не могла терпѣливо снести всего нещастія, и поцеловавши со слезами впослѣдніе ея Оснельду, сама себя съ отчаянія убила: а она Оснельда

Въ плѣненіе сіе низвергшись году,
Не помнитъ, ни отца, ни матери, ни роду.

Но есть ли умъ у Автора, что онъ велѣлъ Оснельдѣ пересказывать все сіе знающей Астрада? Удивительно, какъ Астрада могла все такое велерѣчіе терпѣливо выслушать, и не закричать: *полно полно, сударыня: я это знала тогда, когда еще ты молокососиха была.* Разумъ говоритъ, что всѣмъ симъ словамъ надлежало быть въ устахъ Астрадавыхъ; и сіе такимъ образомъ: послѣ какъ Оснельда скажетъ, что вошло въ ея грудь *любви змѣино жало*; то Астрада должно говорить, какъ то она и говорила:

Искореняй сей ядъ, отецъ тебя желаетъ,
а для Риомы прибавить:

Чего для и къ стѣнамъ онъ града приступаетъ.

Но въ причнубъ и привела, для чего ей *искореняютъ тотъ ядъ*, все то, что Оснельда Астрада пересказывала. Тогда Оснельдѣ и надобно было начать вмѣсто *однако кровь во мнѣ, за тѣмъ то кровь во мнѣ чрезъ вѣсн шестнатцать мѣтъ*, и прочее все, да и продолжать послѣ *а мнѣ Астрада милъ*,

Но вѣрь [за повѣрь], что дочь ево сей пламень презираетъ,

И понеже сей стихъ такъ же Риомы требуетъ женскія; то приложить:

И сердце не любовь, того предпочитаетъ.

А по семъ прочее что слѣдуетъ.

Какуюжъ намъ Авторъ представилъ Астраду! самую совершенную Философку. Астрада не меньше сильна въ рассужденіяхъ, коль Стоикъ Зенонъ, Эпиктетъ, Сенека, Маркъ-Аврелій, и изъ новыхъ Юстъ-Липсій, Каспаръ-Сціопцій, и Яковъ Томазій. Словомъ, предъ Астрадою Кій, Хоревъ, Велькаръ, Сталверхъ, Завлохъ, и сама Оснельда, всѣ ничто, что до разума и рассужденій. Ктожъ она? женщина. Какѡва состоянія? служащая. Гдѣ Философіи обучилась? не знаю: знаю только, что Астрада женщина, и показывается ученою. Однако, со всею ея Философіею, она не весьма постоянно Стоичиха, и еще вредительная чистотѣ нравовъ жонка. Сперва она совѣтовала, чтобъ Оснельда *искореняла ядъ любви*; изрядно: но въ третьемъ дѣйствии, въ явленіи второмъ, показываетъ себя почитай своднею Оснельдѣ печалающейся, что *она въ дѣвичество любовнымъ*

пламенемъ дышетъ, и что видитъ худое слѣдствіе любовнымъ шуткамъ, говоря:

Тебѣль послѣдовать безумнымъ предрассудкамъ,
[словомъ *предрассудки*, и нѣже *предрассужденіемъ*, Авторъ переводитъ Французское *préjugé* вновь; по нашему сіе слово значить, давно затвердѣлое и ложное мнѣніе]

Которой естество здоровый дало умъ,
Ко истребленію простонародныхъ думъ?
Чтобъ ваше естество суровствуя страдало,
Обыкновеніе то въ людяхъ основало.

Чтожь по семъ не весьма еще явножь нечестіи?

Обычай, ты всему уставъ во свѣтѣ семъ,
Предрассужденіе правительствуетъ въ немъ,
Безумье правила житія устанавливаетъ,
А лежкомысліе тѣ права утверждаетъ,
И возлагаючи на разумъ бремена,
Даютъ невинности бесчестны имена.

Все сіе ложь! все сіе нечестіе! все сіе вредъ добронравію! Сіе есть точное ученіе Спинозино и Гоббезіево; а сіи люди давно ужé оглашены справедливо Атеистами. Не *обычай* во свѣтѣ семъ уставъ всему; но есть *право естественное*, отъ Создателя естества *вкорененное въ естество*. Не *предрассужденіе*, то есть, ложное мнѣніе правительствуетъ въ мірѣ; но *правда и честность естественная*. Не *безуміе* правила житія устанавливаетъ; но *разумная любовь къ добру естественному*. Не *лежкомысліе тѣ права* утверждаетъ; но *благо-разумное и зрѣлое рассужденіе, смотря на сходство съ естественнымъ порядкомъ*, оныя одобряетъ. Не *возлагаются на разумъ бремена*: иначе, былъ бы онъ *невольникомъ* въ своихъ рассужденіяхъ, и слѣдовательно *не разумомъ*.

Лжотъ такъ же Астрада, что естественную *правому* всѣмъ чело-вѣческимъ родомъ *внутренно ощущаемую*, навываютъ люди *бесчестными именами*. Дѣлаютъ сіе врассужденія того ябедники иногда въ судахъ: но все чело-вѣческое общество никогда и нигдѣ сего не дѣлаетъ. Внутренняя совѣсть запрещаетъ заключить, чтобъ то несправедно и худо было, *когда кто самъ себя чего не желаетъ, тою и друиымъ не дѣлаетъ*. Сіе принадлежит до естественныя правды. Но естественная честность въ томъ, чтобъ жить по *разумной любви къ добродѣтели*, то есть, *искренно, благо-разумно, и постоянно дѣйствія наши внутреннія и внѣшнія располагать такъ, чтобъ получить крайнее и внутреннее блаженство*. Ибо благотворительнѣйшій Зажидатель, сотворяя чело-вѣка, не могъ его не такѣва сотворить, чтобъ

ему не быть блаженну, и слѣдовательно естественно одолжилъ весь человѣческій родъ, имѣющій произойти отъ Адама, къ тому, чтобъ имъ стараться *о взаимномъ себѣ благополучіи*, а больше о полученіи *каждому крайняю блаженства*. Нѣтъ инаго конца, чегобъ ради былъ человѣкъ сотворенъ: ибо *славословіе Творцу*, есть точно соединено съ человѣческимъ блаженствомъ. Но для полученія блаженства, надобны *дѣйствія человѣческія*. И понеже могли сіи быть *крестоймная и непримичная* къ тому; того ради, не могъ того оставить всеблагій Богъ, чтобъ не различить ихъ *естественными знаками*. Слѣдовательно, *вспялъ* въ разумы человѣческіи такое *знаніе*, что они рассуждаютъ себѣ получить отъ иныхъ *внутреннія совѣсти хвалу или стыдъ*, а отъ другихъ слѣдующую *пріятность или бользнь*, то есть, *вспялъ* въ нихъ *знаніе правды и лжи, добра и зла*; сіежь для того, дабы, что хвальное съ природы, тобъ они дѣлали, а отъ бесчестнаго съ природыжь, убѣгали: равнымъ образомъ, тогобъ искали, что имъ пріятно съ природы по силѣ *честности*, а отъ болѣзненнагобъ удалялись по той же природѣ и по природной же честности: инако, *человѣческій разумъ* могъ бы то пріятнымъ или болѣзненнымъ почитать, что ему токмо по одной природѣ пріятно или болѣзненно, ежелибъ въ немъ нѣ-было природножь *разумная любви къ честности*, то есть, *къ добродѣтели*: словомъ, былъ бы *человѣкъ токмо скотъ бессловесный*, то есть, былъ бы онъ *скотъ съ желаніемъ безъ рассужденія*. Такой то точно Оснельдѣ, а въ Оснельдѣ всѣмъ, совѣтуетъ быть Астрада: она ей велитъ любиться *по растмынному природному желанію*, не смотря ни на правоту ни на честность: ибо ей *естество здоровый дало умъ простонародныхъ мыслей къ истребленію*; а чрезъ простонародные мысли разумѣются здѣсь *всеобщія человѣческаю рода мнѣнія*. Нѣтъ по сему нужды въ *Божіихъ, на природѣ основанныхъ, и съ честностію соединенныхъ, заповѣдяхъ*, не нужны и *человѣческія законоположенія на Божіихъ утвержденія*: одной токмо природѣ, но природѣ поврежденной по паденіи, должно послѣдовать. Изрядная проповѣдница слова истинны! Можно видѣть, что она *умышленная нечестивица*! Чтобъ мнѣ не говорилъ Авторъ, что Астрада полагается *язычницею*: ибо природная правота и честность вѣдома была *язычникамъ*; свидѣтели тому ихъ *Философы, и законодатели*. Вѣдома она и самымъ *дикимъ народамъ*: свидѣтельствуется то, что они живутъ въ обществѣ, отъ нападеній убѣгаютъ, или защищаются; большаго почитаютъ; добро любятъ; порядокъ наблюдаютъ; гнусныхъ и скверныхъ дѣяній *природныхъ въ явь не дѣлаютъ, но устраняются и укрываются*. А сіе показываетъ, что въ нихъ есть *способность къ прямой чес-*

ности, которую Богъ и въ заповѣдяхъ преднаписалъ. Природная ихъ способность къ правотѣ и добродѣтели есть какъ *искра подъ пепеломъ*, которую надлежитъ раздуть *ученіемъ*.

Чтожь до Кія; его равнодушіе весьма странное: онъ представленъ отъ Автора то лехконравнымъ, то тяжелонравнымъ; иногда онъ у него весьма добрымъ человѣкомъ; а иногда чрезвычайно злымъ. Кій сей какъ нѣкоторый флюгеръ: куда вѣтръ ни подуетъ, туда онъ и оборотится. Словомъ, Кій Авторъ совершенный есть Гипохондриакъ, или нѣкоторый родъ сумозброта. Но Сталверхъ, наперсникъ его, не что иное, какъ самый глупый клеветникъ. Кто изъ хитрыхъ навѣтниковъ, какъ кажется, станетъ кого облыгать тогда, когда тотъ, на кого производится клевета, всю силу въ рукахъ имѣетъ, и когда ему не токмо невозможно никаква вреда дѣлать, но еще и по всему вѣроятно, что онъ самъ тотчасъ за то отомстить можетъ, когда свѣдаетъ? И бывалъ когда клевета не свѣдана? Недавно я Кія называлъ сумозбротомъ; но и по правдѣ: ибо и онъ такой же у Автора дуракъ, какъ и Сталверхъ. Велѣлъ онъ ядомъ умертвить Оснельду, за мнимый злой умыслъ ея съ Хоревомъ, тогда, какъ Хоревъ надъ всѣмъ воинствомъ главное имѣлъ начальствованіе. Зналъ ли онъ, что Хоревъ любитъ Оснельду? Буде зналъ; то надлежало ему крайняго зла себѣ бояться отъ ополченнаго силами Героя, и любившаго безмѣрно Оснельду. Надлежало, поистиннѣ въ такихъ обстоятельствахъ Кію быть благоразумнѣе и осторожнѣе. Вотъ же и Завлохъ привлеченъ на окончаніе Трагедіи. Но что дѣлать? закричать по дочери: *о! дочь, о! плодъ несчастный*; а по Хореву: *о! Бои*. Трагедія и безъ него ужé развязалась: довольно было и одного его *меча* принесеннаго Велькаромъ. Я не говорю, чтобъ плѣнннаго его не надлежало привести въ Кіевъ; но не должно было его на Театръ выводить явно: въ немъ и въ согласіи его, или и позволеніи, чтобъ Оснельдѣ сочетаться съ Хоревомъ, нѣ-было ужé нужды: Оснельда скончалась, и тѣмъ главный и начальный *узелъ* Трагедіи развязанъ. Сказать по самой истиннѣ, Завлохъ такъ же вдругъ появился на Театрѣ въ сей Трагедіи; какъ Дорантъ въ Комедіишкѣ Авторой выскочилъ бѣшеннымъ изъ-за ширмъ, и здѣлался, впрямъ женихомъ Кларисинымъ, къ великому зрителей удивленію, а къ превеликому обличенію неперфекта Авторова. Итакъ, въ одномъ только Велькаровомъ характерѣ нѣтъ непристойности, кромѣ токмо того, что онъ часто болталъ неисправнымъ Славенороссійскимъ языкомъ.

Въ семъ мѣстѣ предлагаю вамъ, Государь мой, и общее мое о всей Трагедіи рассужденіе. Вы изволите знать, что въ составѣ Тра-

гедіи, и всякія Драматическія штуки, находятся такъ называемыя *три единства*; а именно, *единство дѣйствія, единство времени, и единство мѣста*. Сіе значитъ, чтобъ Драма представляема была объ одномъ только чемъ нибудь изъ прямыхъ или баснословныхъ Исторіи, а не о многомъ, и целой Исторіи со всѣми ея обстоятельствами. Второе, чтобъ дѣйствіе сіе началось и здѣлалось въ нѣкоторое опредѣленное и непрерывное время: а время сіе обыкновенно опредѣляется Драмѣ три часа, или ужé цѣлыя сутки. Третіе, чтобъ все оное представленіе производилось на одномъ токмо мѣстѣ. Единство мѣста объемлетъ домъ съ палатами и съ садомъ: нѣкоторые однимъ называютъ мѣстомъ и цѣлый городъ. Но я не вступаю въ сіе рассужденіе: я говорю токмо, что Драмѣ должно быть на одномъ мѣстѣ.

Итакъ, мнѣ кажется, что у Автора нашего въ Трагедіи Хорева нарушено первое изъ единствъ оныхъ, а именно *единство представленія*. Съ самаго оглавленія мы видимъ, что все дѣло будетъ клониться къ сочетанію Хорева съ Оснельдою; видимъ тожъ самое и въ срединѣ. Слѣдовательно, главнѣйшему, по положенію, окончанію, къ которому зрители пріуготовлены, и къ коему всѣ Эпизоды, или прибавочныя окрестности, должны возноситься, есть сочетаніе Хорово со съ Оснельдою: прочее все или препятствіемъ, или бѣдствіемъ, или какимъ инымъ нечаяннымъ приключеніемъ. Но въ самомъ концѣ четвертаго дѣйствія, посланный отъ Кіа *кубокъ съ ядомъ*, которымъ бы всеконечно умертвить Оснельду, что и здѣлано, развязалъ ужé сей узолъ, и увѣдомилъ зрителей, что Оснельдѣ не быть за Хоровомъ. По сему, знать, что главнѣйшее представленіе было не о сочетаніи Хорева съ Оснельдою, но о подозрѣніи Кіевомъ на мнимый умыслъ Хорововъ съ Оснельдою. Но вотъ въ началѣ пятаго дѣйствія и сей *узолъ* развязанъ Завлоховымъ *мечемъ*, которымъ завладѣлъ Хоревъ, побѣдивъ и плѣнивъ Завлоха, и который принесенъ Велькаромъ. Того ради, кто видитъ *два развязанія*; тотъ видитъ и *два узла*; а слѣдовательно, *не одинакое, но двойное представленіе*: одно о Хоровой любви съ Оснельдою, а другое о Кіевомъ подозрѣніи на мнимое злоумышленіе отъ обоихъ ихъ на него. Господинъ Авторъ не думаетъ ли, что токмо ему одному дано знать силу Драмъ, и потому не весьма онъ радѣлъ объ удовольствованіи исправностію зрителей, какъ, можетъ быть по его, такихъ, которые не рассудятъ о томъ, ослѣпившись представленіемъ, и оглушившись ложнымъ его Краснорѣчіемъ? или справедливѣе, рассудилъ ли-полно и самъ онъ о томъ? Кажется, что и время его не весьма исправно: въ три, или ужé въ двенат-

цать часовъ, [ибо ночью на выласку не ходятъ] не возможно, по моему, толь многимъ дѣламъ здѣлаться. Хореву надобно по сему любовь свою объявить по утру рано, и только что зварцу напившись, буде онъ еще и тотъ тогда пить умѣлъ. Около обѣда быть увѣрену о взаимной къ себѣ любви Оснельдиной. Потомъ, хотя по салдатски, однако пообѣдать: за обѣдомъ съ часъ мѣста просидѣть. И посему больше ужé половины дня прошло. Однако надобно еще итти на выласку. Но вотъ тотчасъ и бѣдствіе: Кій на него въ подозрѣвіе приходитъ. Потомъ надобно ему свидѣться еще съ Оснельдою, и выслушать всѣ нарѣканія отъ нея, что онъ идетъ противъ Завлоха отца ея не смотря на то, что она Хореву невѣста, такъ же и отвѣтствовать на оныя. Сему случаю надобно часа два положить, для того что любовникъ не скоро спѣшитъ итти отъ любезнѣйшія; а при ней ему и сутки часомъ кажутся. Итакъ, день ужé къ вечеру преклонился. А чтожь, какъ сіе дѣлалось осенью? Въ такомъ случаѣ ужé и гораздо поздно было, хотя и въ Кіевѣ. Когдажь имѣлъ онъ время нижнимъ полководцамъ отдать приказы, воиновъ пересмотрѣть, уговорить, ободрить, приготовиться, и чего еще премногого не долженъ онъ былъ дѣлать предъ сраженіемъ, а всего того не минутнаго? При томъ же и еще проститься съ Оснельдою? Не въ минуту могъ онъ вывести полки и за-городъ, не въ минуту войско построить, привести, и въ сраженіе пустить. Однако, ночь ужé почитай глухая на дворѣ: а ночью всеконечно опасно было сразиться. Все сіе увѣряетъ, хотя Авторъ и противное сказываетъ чрезъ самый первый стихъ Трагедіи,

Княжна! Сей день тебѣ свободу обѣщаетъ,
что вылазка была отложена до другихъ сутокъ, и что Хоревъ пообѣдиль на другой день, и убится такъ же. Слѣдовательно, въ Трагедіи сей потому не будетъ единства времени.

Но пускай, что Авторъ не погрѣшилъ, [какъ то всеконечно совралъ въ рассужденіи дѣйства] въ единствѣ времени: однако, превеликое и непростимое учинилъ онъ погрѣшеніе въ рассужденіи плода отъ Трагедіи. Сіе представленіе есть непростая игрушка, но игрушка соединенная съ крайнею зрителей пользою. Трагедія дѣлается для того, по главнѣйшему и первѣйшему своему установленію, чтобъ вложить въ зрителей любовь къ добродѣтели, а крайнюю ненависть къ злости и омерзѣніе ею не учительскимъ, но нѣкоторымъ пріятнымъ образомъ. Чего ради, дабы добродѣтель здѣлать любезною, а злость ненависною и мерскою, надобно всегда отдавать преимущество добрымъ дѣламъ, а злодѣянію, сколькобъ оно ни имѣло какихъ успѣховъ, всегдабъ наконецъ быть въ но-

нравія, подражая симъ самымъ дѣйствіямъ Божиимъ. Сіе Божественное строеніе несказаннымъ образомъ великолѣпно описано у Іоанна Барклаія въ третіей части Аргениды. Часто, говоритъ оиъ, Божественныя судьбы таковы бывають, что злодѣйства самымъ ужé успѣхомъ исполняемыя безопасно, внезапное постигаетъ мщеніе: сіежъ для того, дабы беззаконникамъ не быть безъ страха, а утѣсняемой добродѣтели не лишитьсяябъ всеконечно надежды. Но кто торжествуетъ на концѣ у Автора? злоба. Ктожъ и погибла у него? добродѣтель. Сіе всякъ смотритель и читатель, безъ всякаго о семъ распространенія и изъясненія, самъ собою видѣтъ и о семъ увѣренъ твердо быть можетъ. Разодрать же должно оную Автору всю тетратъ, когда въ ней должнаго плода не знать. Знаю, что Авторъ пошлется на многіе Францусскіе Трагедіи, въ которыхъ равный же конецъ дѣлается добродѣтели. Но я доношу въ отвѣтъ, что какъ исправностямъ Францусскихъ Трагедій подражать не худо: такъ слѣдовать ихъ порокамъ не должно: надобно дѣлать такъ, какъ надлежитъ, а не такъ, какъ многіи дѣлають. Я всѣ тѣ Францусскіе Трагедіи ни къ чему годными называю, въ которыхъ добродѣтель погибаетъ, а злость имѣетъ конечный успѣхъ; слѣдовательно, равнымъ образомъ и сію Автору тѣмъ же именемъ величаю.

Симъ окончиваю рассмотрѣніе мое объ Авторovýchъ сочиненіяхъ. Поистиннѣ, Государь мой, я и отъ половины, по нещастію моему, усталъ. Но чтожъ бы то было, ежелибъ мнѣ и другую половину трудовъ его, по обѣщанію моему, разбирать? Однако, вы ничего отъ того не могли потерять: всѣ его какъ оставшіяся сочиненія, такъ и впредь будущія, всѣ, доношу я, равнымъ находятся и будутъ силы. Кто прочтетъ одну Автору штуку; тотъ праведно можетъ заключить и о всѣхъ его другихъ. Сей отецъ дочерей своихъ рождаетъ такихъ, которые такъ между собою сестры, что хотя и разновидныя имѣють лица, однако совершенно похожія, равно какъ Овидій описалъ въ Превращеніяхъ своихъ родныхъ сестръ Переевыхъ дочерей, говоря,

*Facies non omnibus una,
Nec diversa tamen, qualem decet esse sororum.*

то есть:

У всѣхъ у нихъ лице не одно; однако не разноежъ, и такъ, что какому должно быть сходству между родными сестрами.

Толикіи недостатки, и толь многіи какъ въ рѣчахъ порознь, такъ и вообще въ сочиненіи, проистекають изъ перваго и главнѣйшаго сего источника, именожъ, что не имѣлъ въ малолѣтствѣ

своемъ Авторъ довольнонаго чтенія нашихъ Церковныхъ книгъ; и потому нѣтъ у него ни обилія избранныхъ словъ, ни навыка къ правильному составу рѣчей между собою. Второе, что обучался онъ можетъ быть по правиламъ не своему, да чужимъ языкамъ: Сей недостатокъ толь есть общій, что почитай и средняго состоянія люди егожь предпочитаютъ, не зная, какъ думаю, что бесчестіе Россіанамъ не знать по Россійски, нежели какъ инакъ. Третіе, что при правильномъ можетъ быть изученіи языкамъ, не обучался онъ надлежащимъ Университетскимъ образомъ Грамматикѣ, Реторикѣ, Поэзіи, Философіи, Исторіи, Хронологіи и Географіи, безъ которыхъ не токмо великому Пінту, но и посредственному быть не возможно. Четвертое, нѣтъ въ немъ ни малаго знанія такъ называемыхъ ученыхъ языковъ, а по послѣдней мѣрѣ надобнобъ необходимо знать ему по Латински. Пятое и послѣднее: полагается онъ больше надлежащаго на Французскихъ писателей, которыи и сами во многомъ и почитай во всемъ копыты съ Греческаго и Латинскаго языка. Не можетъ онъ справливаться съ подлинниками, и потому обманывается часто въ разумѣніяхъ, которыя онъ беретъ, какъ будто изъ самыхъ подлинниковъ. Однако, при всѣхъ сихъ недостаткахъ, такое имѣетъ о своемъ достоинствѣ и способности мнѣніе, что почитай не меньше себя онъ почитаетъ Корнелія и Расина: прочихъ всѣхъ какъ съ нѣкоторыя высоты презираетъ. Сіе точно ложное о себѣ мнѣніе его и ослѣпляетъ, и не допускаетъ видѣть толь явныхъ пороковъ всего сочиненія. Впрочемъ, понсже я знаю что тщеславныи люди все въ пользу себѣ обыкновенно заключаютъ, чего рады и полагаю, что и сіе мое рассмтрѣніе можетъ либо Авторъ причестъ къ достоинству своихъ трудовъ, толь наипаче, что Критики нигдѣ не бывало на сочиненія худыхъ писателей; то свято васъ удостовѣряю, что мое рассмтрѣніе было не для того, что буттобъ Авторовы еочиненія достойны Критическаго рассужденія, но для сего, чтобъ отвести многихъ отъ несправеднаго мнѣнія объ Авторовомъ достаткѣ, котораго въ немъ едва, и едваль еще, нѣкоторая тѣнь находится, врассужденіи словесныхъ и краснорѣчивыхъ наукъ. Сіе объявивъ, пребываю и пребуду съ непремѣнною искренностію,

Государь мой,

Вашъ, и прочая.

Въ Санктпетербургѣ

дня

1750 г.

P. S.

При окончаніи сего моего къ вамъ, получилъ я новый списокъ съ Комедіишки Тресотиніусомъ названныя: въ семь списокъ вшелъ я, къ великому моему удивленію, что, между дѣйствующими лицами, прибавленъ, послѣ педантовъ, не знаю какой Архисотолашъ, а противъ сего имени написано, маляръ шалунъ. Смотрю дагѣ; анъ послѣднее седмое надесять явленіе стало ужé осмымъ надесять, а послѣ шестаго надесять написано: Сцена XVII, но подъ симъ заглавіемъ, тѣжъ и Архисотолашъ. Тогда началъ я читать, да и прочелъ сію новую сцену, которую здѣсь вамъ всю предложу, и уповаю, что она вамъ нѣсколько не незабавною покажется.

Архисотолашъ.

Вотъ и самъ я здѣсь! прошу не погнѣваться, Государи мои, что я незнакомой человѣкъ къ вамъ принялъ смѣлость притти; однако надѣюсь, что вы будете мною довольны, для того что я вамъ надобенъ.

Оронтъ.

Мы добрымъ людямъ ради; да кто вы таковы?

Архисотолашъ.

Я, сударь, дорогой старичокъ, по имени Архисотолашъ, по отчеству Филавтоновичъ, по прозванію Кривобаевъ, а по художеству мал... мал... яръ, ..яръ еры юсь. Ба! какое мое художество, я позабылъ, а мимо рта суется. О! о! вспомнилъ: я, сударь, по художеству маляръ, о чомъ эта кисть, или лучше пензель, да и дощечка, или чесная палеть, съ вохрою доказываетъ, до вашихъ услугъ.

Оронтъ.

Изрядно, Господинъ Архисотолашъ Филатьевичъ Кривобаевъ. Да што ваше пришествіе, къ нашему убожеству?

Архисотолашъ къ зрителямъ.

Знать этотъ старичокъ простакъ: онъ называетъ меня Филатьичемъ вмѣсто Филавтоновича.

Къ Оронту.

Двѣ причины привели меня показать себя всѣмъ вамъ; первая, слышалъ я, что у васъ скоро свадьба будетъ; а для такова торжества, я вамъ намалюю Гименя. Другая, чтобъ

симъ ученымъ людямъ предложить вопросъ къ разрѣшенію, надъ которымъ я давно работаю, да не умѣю сыскать конца, или справедливѣе, чегобъ я не умѣлъ, да не умѣю умѣть.

Тресотиніусъ.

О! Господинъ мал... мал... по художеству, и яръ еры юсь по томужъ: я здѣсь имѣю честь быть женихомъ, хотя и не по заслугамъ; однако мнѣ не надобно маліованова Гименея: я не люблю отнюдъ пустоши. Прошу пожалуй обойди нашу деревню, какъ говорятъ, и малюй что и гдѣ хочешь. Какъ бы я вамъ не сказалъ такова одноножнава тверда, которое будетъ зѣло, зѣло, зѣло твердо.

Оронть къ Тресотиніусу.

Нѣтъ ничево: пусть онъ намъ намалюетъ Гименея: видно, что вохры у него много.

А оборотяся къ Архисотолашу:

Однако, малевалъ ли ты господинъ Филатьевичъ, когда нибудь, что нибудь, гдѣ нибудь, и кому нибудь?

Архисотолашъ.

Какъ? што нибудь, когда нибудь, гдѣ нибудь! Я, сударь, публичной маляръ, и намалевалъ на рынокъ картинъ съ семь, которые такъ живы, что всѣ говорятъ какъ сойки. По этому, есть ли у васъ Амбиція, а по Руски высокомѣріе, чтобъ я вамъ намалевалъ сладкословеснѣйшаго Гименея?

Бовембіусъ.

Что то за превращеніе? Говоришь ты, есть ли у насъ Амбиція! Развѣ, Господинъ мал... мал... и яръ еры юсь по художеству, зло у тебя добромъ, и природа добродѣтелей развращена? Амбиція всегда и вездѣ есть, была, и будетъ крайнимъ зломъ, а слову сему, не токмо что дѣлу, пора сожжену быть на площади, потому что оно очень вредительно добронравію. Эрго, надобно было тебѣ спросить, есть ли у насъ охота, или нѣкоторое любопытство, чтобъ видѣть маліованова твоево этою вохрою Гименея.

Архисотолашъ.

Видно что ты и впрямъ Философъ, и потому всю ставишь въ строку: я говорю такъ, какъ всѣ; а сказать правду, ежели въ комъ нѣтъ амбиціи, тотъ или незнающій свѣта, или прямо дуракъ: а я знаю щогольское употребленіе, и хотя самую малую толику, или и безмала безъ тово, однако по Французски. И такъ, буде въ васъ нѣтъ Амбиціи,

такъ эрго. Вить не та Амбиція, што Амбиція; да Амбиція, што явная Амбиція, а другова ей званія нѣтъ.

Всѣ кромѣ Архисотолаша.

Ха, ха, ха, ха!

Бобемвѣусъ.

Амбиція, што явная Амбиція, а неznать какая другая, однако другой нѣтъ и тайной кромѣ худой. Ха, ха, ха, ха! Амбиція! Эдакое словцо! да ужé и въ дѣло оно произошло! теперь то должно по Цицеронову закричать: О! времена, о! нравы.

Оронть.

Плюнуть на Амбицію: пускай Господинъ Филатьевичъ зачнетъ намъ малевать Гименея.

Архисотолашъ.

Дѣльно, дѣльно, добринькой старичокъ: однако я не Филатьичъ, да Филавтоновичъ. Впрочемъ объ именахъ у меня нѣтъ заботы; надобно дѣло. Итакъ пока холстину натягиваютъ на пальцы, я между тѣмъ подойду къ сему третьему Господину: вижу что онъ обоихъ этихъ скромнѣе, и предложу ему мой премудрый вопросъ.

Кимаръ.

Партестую вамъ всѣмъ, Господá, Судари, Братцы, Товарищи, Мудрецы, Молотцы, и вся Поленѣца удалая, што этотъ Яръерьюсь Кривобаевъ не прямой Мараль, да Псетоусіусъ Мараль, какъ то ясно по ево баснямъ: потому што, охъ! для того што, нѣтъ! затѣмъ што, тѣфу! ибо, тѣфу тѣфу! панѣже вотъ такъ то съ высока носка нада по щогольскіе! панѣже для того што онъ называетъ палцами Рамы.

Архисотолашъ.

Молчи, скотина скотъ, животина животъ, зерншій, табашникъ, кабашникъ, пропоець, писмоносъ, мошнорѣзь, черныя работы подрядчикъ! што тебѣ дѣла! Дай языку каши. Охъ усталъ! жаль што нѣтъ нигдѣ блиско сѣдалища стульнова. Вотъ нещасье наслало на меня какóва Поборника, Тобишь, Руши'теля. Но лучше отъ бездѣльника къ дѣловцу.

Архисотолашъ подшедъ къ Ксаксоксименіусу.

Господинъ чесной! нѣгдѣ, нѣкогда, нѣкіе жили да были два брата, какъ говорятъ съ Арбата, а третей дуракъ, да и умеръ дуракомъ, да ужъ и тѣ оба покойники свѣты. Однако большой здѣлалъ вѣтреную мѣльницу, которая всегда молола и кругомъ безпрестани вертѣлась, толькожъ въ ней нѣ-было

жорновъ: а средней почитай ежечасно игралъ въ самую большую игру въ пеструхи, однако весь свой вѣкъ не зналъ ни козырей, ни матадоровъ, еще и ни мастей. Которой же изъ нихъ жилъ домостройнѣе и богатѣе, прошу мнѣ вытолковать?

Ксаксоксименіусъ.

Зографел! отъ сею обою по единомъ коеждо аще и бохма еси пореновалъ суемудріемъ твоимъ: обаче не ктому отселѣ неистовъ пребуди. Тѣмже убо гради вонъ съ миромъ, прежде даже и врѣсоту не рекутъ ти зла.

Архисотолашъ.

Што это? такъ вы ужé всѣ надо мной издѣваетесь! а издѣваетесь надъ маляромъ, и еще надъ всерыношнымъ! и надъ такимъ, которой малюю картины говоруньи! Постоитежь, я къ вамъ приплю Доранта, задушнова моево друга, которова вы еще не видали, што онъ и каковъ въ своей Амбици, и которой буде за меня не станеть, такъ онъ свадьбу вашу на свой салтыкъ тотчасъ оборотить: Прощайте когда такъ: узнаете вы, што я не послѣдняя спица въ колесницѣ.
Ушолъ съ сѣрдца.

Оронтъ.

Што дѣлать? свадебное дѣло шатовато.

Сцена послѣдняя.

Тѣжь, Дорантъ и Клариса.